

ЭДУАРД ВЕРКИН

ЗВЕЗДОЛЁТ

С ПЕРЕБИТЫМ

КРЫЛОМ

Эдуард Веркин

Звездолет с перебитым крылом

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веркин Э. Н.

Звездолет с перебитым крылом / Э. Н. Веркин — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100122-3

Эдуард Веркин – один из ярких современных российских авторов, лауреат престижных литературных премий, настоящий наследник традиций Чехова, Платонова, Лема, братьев Стругацких, Дика, Брэбери. В 2012 году роман Веркина «Друг-апрель» был включен в список выдающихся книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой. В своих книгах Э. Веркин с необыкновенным вниманием к мелочам показывает становление личности, переживание героями первой любви, упрямую борьбу с обстоятельствами и «непреложными законами», абсурдность и хрупкость жизни. Он говорит с читателем на своем, уникальном, узнаваемом языке. Книга состоит из двух частей «Звездолёт с перебитым крылом» и «Каникулы что надо», и в этом виде издается впервые. Это очень важно, потому что в первой части мы видим один мир, во второй другой, но только прочитанная целиком история позволяет читателю увидеть третий мир, намеренно скрытый автором.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100122-3

© Веркин Э. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эдуард Николаевич Веркин

Звездолёт с перебитым крылом

© Веркин Э., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть I

Звездолёт с перебитым крылом

Глава 1

Всадник без головы

Был все-таки июнь. Давно отцветшую черемуху жрали гусеницы, вокруг шиповника кружились торфяные шмели, от яблонь сильно пахло химией, опрыскивали. Зато без червей. А вот если собрать три ведра цветов акации, то можно выжать поллитровую банку меда. Вранье. Прошлым летом не поленились, собрали и выжали, но ничего, кроме чуть сладковатой бурды, из акации не добылось, да и то стакан. По десять ложек на нос, потом понос. А Дюшка поймал корзиной двух воробьев. Ему хотелось попугайчика, но где его возьмешь? Решил раскрасить воробья, потом пожадничал и оставил обоих, но они оказались уж слишком пахучими, и родители выгнали его из дома. Пришлось отпускать. Но перед этим Дюшка все равно чуть подправил их зеленкой. Самодельные попугаи неблагоприятно улетели, снова стало скучно.

Да, делать тем летом было нечего. Картинг так и не открыли, речка еще не нагрелась, и купался лишь Чернов, каждый день по полчаса выгребал брассом против течения. Дюшка шепотом врал, что Чернова контузило на Даманском, а бабушка говорила, что он всю жизнь полубелый. Собирались на Лисью Пустынь.

Июнь. Грибам рано, рыба надоела еще в мае, картошку первый раз уже окучили. Смотрели телик. Не знаю почему, может, из-за Олимпиады, но в то лето много хороших фильмов показывали, правда, все по второй программе. Но Кот придумал, что делать.

Вообще-то Кот тут не очень важен, но его немного будет в этой истории, так что уж пусть.

Так вот, это Кот придумал. Поднять антенну.

Антенну собирали почти три дня, и все-таки успели.

Проволоку медную Кот смотал со старого электромотора, а вот вилы искали долго. Конечно, ни мои родители, ни родители Кота не разрешили взять нормальные вилы, хотя только у нас этих вилок было три штуки – зачем нам столько вилок? Ну, картошку копать, это да. Но картошка осенью только, к осени я обещал вилы вернуть...

Не дали. Я объяснял, что вилы нужны для антенны, но никто и слушать не хотел, вдруг выяснилось, что нашей семье без них просто не выжить. Пожадничали.

Коту вилы тоже не разрешили, не из жадности, а из опасений – вилы острые, или сам наколешься, или кого другого, потом всю жизнь на лекарства работай. Хотя и из жадности тоже, конечно.

А Дюшке не дали без причин. Пришлось искать на помойке, как всегда. Как всегда, нашли. Погнутые вилы, простреленную каким-то дураком лопату, два ржавых ижевских коленвала, импортную стеклянную бутылку с завинчивающейся крышкой, ну и так, по мелочи, гильзы от мелкашки еще. Дюшка бутылке обрадовался, хотел ее бабке отнести, под масло, но потом увидел, что там внутри развелось рыжих ползучек, и бутылку разбил. Хороший поход тогда у нас получился, свалка горела, она летом часто горит, бросок через дымную полосу – самое мое любимое в походе через свалку. Надо задерживать дыхание или через мокрый рукав дышать, но горло дерет. И глаза. Хитрый Котов надел подводную маску, ему не драло. А еще тропа шла через болотину, карьер с металлоломом и зыбучим песком.

Вилы на свалке нашли, они оказались ржавыми и тупыми.

Хотя отчистить вилы от оранжевой ржавчины оказалось несложно – у Котова в гараже целый ящик старых напильников. Половина лысые, другими можно кое-как шоркать. Собра-

лись мы у Котика в гараже, зажали вилы в тисках, по очереди их пилили полдня и достигли успехов – ржавчина сдалась и из под нее выступил блеск. Но Кот сказал, что этого недостаточно, для лучшего приема вилы требуется еще и отполировать. После чего вручил нам по куску наждачной бумаги.

Бумага оказалась тертой, но ничего, краешков хватило. И хотя на наждаке мы сорвали набитые напильниками мозоли, результат радовал, получилось гладко. Вилы блестели, как из магазина.

Котов не удовлетворился и прошелся еще по зубцам пастой ГОИ, так что в результате они не только заблестели, но и приобрели зеркальность. Кот, впрочем, не хотел униматься и планировал отнести вилы в гараж на пескоструйку, тут уж пришлось вмешаться нам с Дюшкой. Мы сказали, что вилам хватит, и так сойдет.

Кот, конечно, поморщился, ему хотелось, чтоб идеально, но в вилы уже стало можно смотреться, Кот вздохнул и насадил их на длинную жердь.

Полезли на крышу Кошкиного дома и водрузили антенну. Правда, после этого выяснилось, что проволоку к вилам мы прикрепить забыли. Ломать конструкцию не хотелось, поэтому Дюшка вполз по жерди и проволоку прикрутил.

Так у нас появился шанс посмотреть «Всадника без головы».

– Кино что надо, – рассказывал Дюшка. – Страшное. Не как «Вий», но все равно. Я как посмотрел первый раз, потом мерещилось. Там все в конце выясняется, ясно, что это...

– Хватит, – перебил Котов. – Ты нам все сейчас расскажешь, смотреть неинтересно будет.

Дюшка замолчал. Он два года прожил в Новосибирске, а там у них целые три программы показывали, и кинотеатр на первом этаже. Так что он много видел. И нам рассказывал, когда на рыбалку на великах ехали, всегда рассказывал.

– А «Вий» так себе, – сказал Котов. – Я смотрел. И никого на «Скорых» не увозили, брехня это.

Требовалось испытать конструкцию. Отправились в залу. Котов снял с телевизора кружевную салфетку, отогнул заднюю крышку, достал из кармана лампу. Протер ее о рукав, затем сунул руку с лампой в телевизор и стал на ощупь вставлять ее в ламповое гнездо.

– Чтобы Петька не смотрел, – пояснил он. – А то и так слепой уже, а матушка на меня орет, точно это я его заставляю...

Лампа со щелчком зашла на место.

– Готово, – сказал он. – Сейчас заработает.

Обычный день тогда был, теплый, ветреный. Ничего особенного, я смотрел в окно и видел скучное лето, которое только началось.

Мы составили три стула, расселись, Котов включил трансформатор. Трансформатор нагревался минуту, гудел электричеством, дергал стрелкой, потом попритих и зажег красный огонек, Котов включил уже телевизор.

Первая программа. По первой днем никогда ничего хорошего, но показывает она чисто, почти без помех, только сверху чуть мельтешит. Со второй программой всегда хуже. То есть она просто не показывает. А по второй всегда фильмы интересные в каникулы запускают, а котовский старший брат Иван рассказал, что если сделать антенну из вил, поднять их повыше – метров на пять, и подключить к телевизору, то вторая программа только так станет ловиться.

Вранье. Или вилы не те. Ничего у нас показывать не стало. Кот щелкнул переключателем, но вторая программа не заработала.

Некоторое время мы смотрели на мельтешение и слушали шорох. Дюшка, впрочем, уверял, что в этом мельтешении можно разглядеть некие фигуры, достаточно особым образом расстроить глаза, он так у себя дома часто смотрит мультики, вот попробуйте.

Мы с Котом честно косили глаза, но никаких фигур и мультиков не увидели. Вилы не работали. До «Всадника без головы» оставался час.

– Сейчас попробую еще...

Котов принялся крутить настройки телевизора. Мелькание на экране вытянулось, потом сплющилось, потом мелькать стало мельче. Понятно, что бесполезно и за вилами ходили, и антенну строили. Обидно.

Но Котов был человек упертый и еще некоторое время терзал телевизор, постукивал по бокам и по верху, шелкал программы, перевтыкал антенну и зачем-то помещал между антенной и гнездом телевизора толстый красный резистор.

– Никак... – печально сказал Дюшка.

– Надо звонить, – сказал я. – Понятно же, что надо звонить.

– Сам знаю! – огрызнулся Котов и стукнул по телевизору кулаком.

Кот снял со стены телефон, уселся в кресло и нашел по районной книге номер, набрал.

– Это телевышка? – противным девчачьим голосом прокурлыкал Котов. – Это вас из библиотеки беспокоят. Какой библиотеки? Имени Гайдара, какой еще? У нас сейчас занятия поэтического кружка, не могли бы вы подключить вторую программу?

Иногда это срабатывало. Если на телевышке дежурили добрые техники, то они включали вторую программу, особенно если детские фильмы транслировались. Так что шанс был.

Котов слушал в трубку, и по выражению его лица становилось понятно, что сегодня на вышке злыдний день, а значит, «Всадника без головы» нам не видать.

Так и оказалось, Котов брезгливо посмотрел в трубку, затем вернул ее на аппарат.

– Если я еще позвоню, они сообщат в милицию, – сказал он.

– Понятно, – кивнул Дюшка. – На вышке электричество экономят, когда Олимпиада начнется, вторую программу всему городу включают, а сейчас нельзя.

А сейчас нельзя. До «Всадника без головы» оставалось сорок минут.

Дюшка вздохнул.

– Ладно, – сказал Кот. – Пойдем к Похвалину. Еще успеем.

– Ну, пойдем, – согласился сразу Дюшка.

И на меня посмотрел. У Похвалина приставка, у него вторая программа всегда работает.

– Мне воду в баню надо таскать, – сказал я. – А я и забыл совсем.

Я Похвалина не люблю, года три назад Похвалин и его крейсера загнали нас с Дюшкой в лужу на углу Пролетарской и закидали грязью. Хорошо мимо трудовик из 2-й школы проходил, распинал этих дурней, а то бы они до вечера нас там продержали.

Дюшка тоже не забыл, но он человек легкий и не обидчивый. То есть обидчивый, но если между гордостью и «Всадником без головы» выбирать, то он выберет «Всадника».

Вот так. Котов и Дюшка покатали к Похвалину, а я домой поехал.

Дома была только мама, стряпала что-то на кухне. Я потихоньку попил молока из холодильника, включил телевизор в надежде на чудо и вторую программу. Но чуда не случилось, и я вышел на крыльцо.

Жарко, скучно, самострел, что ли, сделать? Я стал прикидывать, что лучше: самострел, воздушку, пугач или гвоздомет. Для воздушки нужен хороший насос, а он рубль стоит. Для гвоздомета нужна медицинская резина, а ее вообще взять негде, а если вместо нее из камеры вырезать, то не так мощно получается. Самострел сделать легко, но это детсадовское, да и прицелиться из него никак, бестолковая вещь, одним словом. Пугач – это просто, к тому же все составляющие для него у меня имеются – медная трубка от камазовских тормозов, обрезок велосипедной камеры, три фольги от «Каракума», шиферный гвоздь. И делать легко, только зачем? Ну, пойду к реке, ну, похлопаю. И чего? А от воздушки хоть какой-то толк, можно пока в стрельбе тренироваться.

Придется делать все-таки воздушку. Один пацан прошлым летом из воздушки застрелил щуку на восемь килограммов. Вообще-то если соберемся в Лисью Пустынь, то воздушка не помешает. Дюшка наверняка свою возьмет, а я, получается, безоружным пойду...

Насоса нет, это да, решил пока деревяшку выпилить да курок свернуть. Выбрал дюймовую доску, отпилил метровый кусок, стал прорезать желоб для насоса. Почти до конца прорезал, но тут появился Дюшка. Поставил велосипед у забора, подошел и стал смотреть, как я делаю оружие.

Как-то странно он смотрел, точно первый раз видел и меня, и воздушку. Такой взгляд, точно мешком пыльным его прибило. Потом в голове у него щелкнуло, очнулся.

– У меня старый насос есть, – сказал Дюшка. – Могу отдать. Он как раз нужной длины.

– Что? – спросил я с удовольствием. – Мест в кинотеатре не было?

Дюшка не ответил, отвернулся.

Похвалины Дюшку не любят. Мама Похвалина считает, что он хулиган и бестолочь. Бабушка Похвалина считает, что Дюшка в садике украл у Похвалина гэдээровский грузовик. Отцу Похвалина на Дюшку плевать, но не он дома хозяин. На самом деле все проще. Дюшкина мать оставила Похвалина-младшего на второй год, вот и вражда, вот и не пустили. А Котова пустили, у него отец все-таки инженер, а не всякие там.

– А ну, – отмахнулся Дюшка. – Чего смотреть, все равно знаю все, видел сто раз. Всех убивал Кассий Колхаун. А ну...

Дюшка сел на крыльцо.

– У Похвалина сестра с ума сошла, говорят, – сказал он. – В психическое отвезли, за линию.

– Ну и что?

– Да он и сам псих. У них все психи.

Дюшка достал складенчик, разложил, принялся втыкать в крыльцо. С ладони, со лба, с локтя. По ножичкам он у нас лучше всех, поэтому никто с ним не играет, вот ему самому с собой и приходится.

– У Похвалина брат в прошлом году колуном кошку убил, – сообщил Дюшка. – Просто так убил, мимо проходила, а он взял – да кинул. А сестру, когда на нее находило, они в подполе запирали. Так она фундамент подрывла – и наружу выскочила.

Мне про Похвалиных не хотелось говорить, я думал, что делать. Воздушка почему-то уже надоела, завтра доделаю, все равно насоса нет.

– Поедем покупаемся, что ли? – предложил я.

– На реку не поеду, – отказался Дюшка. – Там вода еще не прогрелась, можно застудиться.

Это он боится. Плавать не умеет, вот и врет про воду.

– Давай на Кирпичный, – тут же сказал Дюшка. – Там тепло...

– Там тепло, пиявки и бычьи цепни, – возразил я. – В этих бочагах всякой заразы водится, холера и то есть, наверное. А в реке вода все-таки проточная.

– Да никакой там заразы нет, – возразил Дюшка. – Там сколько лет уже купаются, никто не болел еще...

– Лучше на реку. На пятые пески.

Дюшка поморщился.

– Там мелко, – напомнил я. – И заводь рядом.

– Вот в заводи как раз и пиявки...

На крыльцо вышла мама с веником и совком, вытряхнула из совка песок, посмотрела на нас с Дюшкой с сожалением.

– Опять ружья мастерите? – спросила мама и поморщилась. – Не надоело?

– Все делают... – пожал я плечами.

– В «Юном технике», между прочим, напечатали схему боевого арбалета, – заявил Дюшка.

– То есть вы теперь боевые арбалеты будете строить?

– А что такого? – Дюшка пропустил ножик между пальцами, перекинул из руки в руку. – Вот когда весной Коршунов спас близнецов от волков, ему все спасибо говорили. А он, между прочим, двустволку у отца стянул, и лет ему всего пятнадцать.

– В пятнадцать лет Гайдар командовал полком, – заметил я.

– Веников бы лучше сходили наломали, – сказала на это мама. – Береза как раз чистая.

– За березой сейчас нельзя, – тут же возразил Дюшка. – Позавчера отец пошел наломать – двух клещей с головы снял. С горошину каждый.

– В газете писали, энцефалит бушует, – напомнил я.

– Тогда в магазин, – вздохнула мама. – Купи масла. В городок иди, там масло лучше.

– В городок? – покривился я. – Там же...

– В пятнадцать лет Гайдар командовал полком, – сказала мама.

Мама принесла с веранды сумку из разноцветной лески, зеленую стеклянную бутылку и два бумажных рубля. Я отправился за маслом. Дюшка потащился следом. Домой ему идти не хотелось, дома был старший брат, осенью его забирали в армию, а пока он работал обходчиком на железке и от этого злился. И мелкий брат Петр, и обязанность с ним возиться, или полоть заставят, это еще хуже братьев, вместе взятых.

Идти пришлось в Военный городок, там масло всегда с осадком, а мама считает, что в осадке самые витамины. Я вообще-то по магазинам ходить люблю, потому что у нас в семье правило – с каждой сдачи я десять копеек могу себе забрать, так что если повезет, то в месяц можно накопить рубля полтора.

На мопед коплю. Уже двадцать четыре рубля. Скоро накоплю.

Тащились в Военный городок долго, целый час, наверное. Можно и на великах было, но рисковать не хотелось, городочные пацаны борзые слишком, у них там секция, и они все самбисты. Не, велики они, конечно, не отнимают с концами, но берут покататься. У меня как-то взяли до Елино съездить, а потом я их четыре часа ждал. Так что лучше пешком, куда спешить-то?

И не спешили. Попили воды из колодца на углу Коммунарской – там минеральная течет. Два круга по стадиону сделали, там как раз новую дорожку положили и ворота поставили. За стадионом собаку на днях машиной сбilo, дохлая валяется, немного посмотрели, хотя уже и не по возрасту было. А Дюшка еще врал, что это настоящий дог. Потом плевалки вырезали, поплевались. Зашли в «Хозтовары», поглядели на «Яву». Стоит три месяца, никто не покупает, любят. Купят скоро, как в городе узнают, что у нас тут «Ява» стоит, приедут и заберут. У меня отец сам ее купить хотел, да денег столько не нашел, а в долг взять не получилось. Он, кстати, тоже по утрам приходил потихоньку полюбоваться, я сам видел. Красивая, конечно. Посмотрели минут пятнадцать молча, каждый о своем позавидовал.

От «Хозтоваров» до Городка за пять минут добрались, городочников не встретили, повезло. А уже в городке Дюшку пробрало, он вдруг пустился доказывать, что «Ява» хуже «Иж-Юпитера», и дороже, и запчастей не найдешь, и масло нужно тонкой очистки, лучше взять три «Ижа», чем одну «Яву». Я с такой глупостью и не спорил, Дюшка всегда такой, не дурак поперечить, иногда от этого в бешенство впадает. Мы привыкли к таким выходкам. Да я и сам поспорить люблю.

В продуктовом магазине по поводу полудня было безлюдно, июньские мухи жужжали под потолком, невкусно пахло рыбой и вкусно черным хлебом. За прилавком дремали две знакомые продавщицы, я передал им бутылку, и молодая отправилась на склад, чтобы набрать масла со дна бочки.

– Давай хлеба купим, – предложил Дюшка. – Есть хочется.

Я промолчал. Ему всегда хочется есть, мама говорит, что его дома не кормят. Дюшкина мать завуч и вся в школьных проблемах, а сейчас вообще в лагерь уехала. А папаня лишь рыбу солить умеет.

– Давай полбуханки возьмем, – Дюшка прогудел животом. – Маслом помажем и съедем...
– Соли нет, – сказал я. – Без соли не вкусно.

Мне стало жаль десяти копеек, если честно. Потому что у меня план, эти десять копеек должны быть вложены в мой мопед, а не в прожорливого Дюшку. Ему хоть десять буханок скорми, он и спасибо не скажет.

– Можно и без соли. – Дюшка поглядел на меня как на предателя.

Я решил оставаться твердым.

– А я в пятницу пятьдесят копеек юбилейные нашел, – сообщил Дюшка.

– Поздравляю, – сказал я.

Я еще хотел сказать, что врет он про пятьдесят копеек, он каждую неделю про эти пятьдесят копеек рассказывает, но никто их никогда не видел. Хотел сказать, но тут в магазин вошла девушка.

Это была очень странная девушка.

Я это сразу заметил.

Она была...

Почему-то в свитере. В красном. То есть в бордовом свитере. В жару. Рукава оттянуты и закатаны чуть выше запястий.

Она вошла, и дальше я смотрел только на нее.

Девушка приблизилась к прилавку и стала изучать товары. Она смотрела на хлеб, разложенный на поддонах. На ломаные кубиками ириски, на помадку в толстых зеленых вазочках. На чай в пакетиках, на круглую карамель, на уксус в треугольных склянках, на ломанный неровными кусками сахар, просыпавшийся из мешка. На рыбные консервы, составленные в замысловатые пирамиды, на яблочный компот и на томатный сок в трехлитровых банках. Она смотрела на все это...

Восхищенно.

Смотрела и смотрела, и это вызвало раздражение у старшей продавщицы, кажется, ее звали Лидия, она у нашей бабушки носки из собачьей шерсти покупала.

– Что брать-то будешь? – спросила Лидия.

Девушка вздрогнула, точно выпала из сна.

– Покупать будем? – снова спросила Лидия.

– Да, – ответила девушка. – Покупать будем...

Голос у нее тоже оказался чужой. Вот когда из Москвы наезжают, то все так говорят. А может, и на самом деле из Москвы. Приехала к бабушке, у нас тут много приезжает к бабушкам, летом полгорода незнакомых.

Хотя нет, не из Москвы. Свитер с дырками, штаны мешком, а на ногах кирзачи, обранные вполголениища. Даже у нас ни одна девчонка кирзачи не наденет, что уж про Москву говорить.

– Пачку сигарет, – попросила девушка.

– Что?

– Пачку сигарет, пожалуйста.

– «Шипка» и «Рейс», – ответила продавщица. – Остальное папиросы. «Беломор» и «Север».

– Мне сигареты, – сказала девушка настойчиво. – Пачку сигарет.

Продавщица Лидия хмыкнула.

– Так ты сама, что ли, куришь? – спросила она с усмешкой.

Дюшка ткнул меня в бок. Странная девушка, на самом деле странная. Просто ведь все, надо сказать, что отец послал, всего и делов-то. А старшеклассникам да пэтэушникам и так продают. Правда, она на старшеклассницу не очень похожа, как и на пэтэушницу. Слишком...

– Курю? – спросила девушка с непониманием.

Продавщица Лидия поглядела на меня в поисках сочувствия. Я вздохнул. Дюшка хихикнул. Дурацкая ситуация.

– Мне нужна пачка сигарет, – в третий раз повторила девушка.

Уже как-то нервно.

Из склада показалась молоденькая продавщица с моей бутылкой масла, мутного, богатого витаминами, очень хорошо от глаз помогает.

– Каких тебе сигарет? – тоже нервно спросила Лидия. – Я же говорю, «Шипка», «Рейс»...

Дюшка злорадно улыбнулся, он любил скандалы. А мне скандалы не нравились.

– Пачку... сигарет... – девушка сунула руку в карман штанов и достала деньги.

Она протянула Лидии деньги на ладони. Сразу много мятых засаленных рублей, а еще трешку. Бумажные деньги, а протянула их как мелочь.

Продавщица Лидия покачала головой. Молоденькая продавщица поставила масло на весы, поглядела на девушку с сочувствием.

– Девочка, какие сигареты твой папа курит? – спросила она с расстановкой, точно обращалась к пятилетнему малышу. – Какие именно?

Девушка растерялась. И положила горсть мятых бумажек в миску для сдачи.

– «Шипку», – сказал я. – Ее папа курит «Шипку».

Лидия посмотрела на меня.

«Шипку» мой отец курил, всегда меня за ней посылал.

– Ну, так бы сразу и сказала, – с облегчением выдохнула Лидия. – Тебе сколько? Блок, что ли, сразу?

– Пачку, – повторила девушка.

– Пачку так пачку.

Лидия положила перед девушкой пачку «Шипки», шелкнула на счетах.

– Еще чего?

– Хлеб.

Лидия указала на хлебную полку. Девушка подошла и взяла первую попавшуюся буханку. Тоже неправильно, хлеб так никто днем не покупает. Надо сначала вилкой пощупать – не черствый ли? Утром, когда только привезли, можно смело брать, а сейчас нет, наверняка Лидия к утренним остаткам еще вчерашних добавила. Так что лучше щупать. Наверное, все-таки из города. Из большого, где хлеб часто привозят.

– Буханка черного, – Лидия шелкнула счетами. – Еще...

В магазин вошел мелкий пацан с рюкзаком. Было ему лет десять, рюкзак выглядел гораздо старше, мелкий поглядел на свисающие с потолка липкие ленты, усеянные мухами, и хихикнул. Одет в куртку. Вроде летчицкой, но не кожаная, а брезентовая, с карманами и ремнями. На молнию застегнута и явно со взрослого плеча.

– И еще... – девушка поглядела на полки. – Еще...

– Бланшированный минтай, – сказал мелкий, отвлекшись от мух. – Три... Четыре.

Продавщица Лидия достала с полки банки.

– И борщ, – добавила девушка. – Две банки.

Борщ в стеклянных банках совершенно несъедобен. Как-то мама уехала в командировку, и отец сварил этого борща. Так соседской свинье и отдали.

Лидия выставила на прилавок борщ. Шелкнула счетами, взяла из кучки скомканных денег три рубля.

– Туристы, что ли? – усмехнулась Лидия снисходительно.

– Туристы, – девушка собрала оставшиеся деньги. – У нас каникулы.

– Понятно, у всех каникулы...

Мелкий в куртке сгрузил продукты в рюкзак, девушка закинула рюкзак на плечо, поправила, взяла с прилавка сигареты, внимательно их изучила и убрала в карман штанов. После чего оба направились к выходу.

– А сдачу? – удивленно спросила молодая продавщица.

Девушка и мелкий остановились, переглянулись.

– Сдачу забыли. – Лидия насыпала в миску медяков.

Девушка вернулась и выгребла монеты из миски. После чего они с парнем удалились.

– Психи, – шепнул мне Дюшка. – Их летом выпускают, вот они и рыщут.

Вряд ли психи, подумал я. Скорее, из дома сбежали. Позапрошлым летом один из Второй школы удрал на Байконур, ракеты смотреть, поймали лишь в Казахстане.

– Тебе только масло? – спросила Лидия.

Я расплатился за масло, убрал бутылку в лесковую сетку. Вышли на улицу. Ни девчонки с рюкзаком, ни мелкого пацана видно не было, видимо, на Пионерскую свернули.

Руки замаслились от бутылки, я сорвал подорожник и вытер.

– Психи из Эстонии, – сказал Дюшка.

– Почему из Эстонии? – не понял я.

– Там все белобрысые, как эти, – пояснил Дюшка. – По-русски плохо понимают, разговаривают не так, консервы с хлебом купили. Денег много у них...

– И почему тогда психи? Может, туристы.

– Может, и туристы, – согласился Дюшка. – Может, на байдарках плывут. У меня тетка в Эстонии живет, там многие на байдарках любят. Вот поплыли на байдарках, перевернулись, остановились еды купить.

Все-таки, наверное, на самом деле туристы. Консервы купили рыбные, суп из них легко варить... Хотя из минтая плохой суп, лучше кильку уж тогда или сайру. Да кто их знает, вдруг у них в Эстонии как раз так и варят?

– Она не курит, – сказал вдруг Дюшка.

Не курит.

– Зубы белые, – пояснил он. – И ногти не пожелтели. Братан всего месяц смолит, а и зубы пожелтели и ногти.

– Зачем ей тогда сигареты? – спросил я.

– Не знаю. Может, моль травить.

– Моль лучше папиросами, – возразил я. – Или махоркой, так дешевле.

– Ну, не знаю. Какая разница? Пойдем на мост.

– Зачем? – не понял я.

– Да просто.

Не хочет домой возвращаться, подумал я. Сорняки полоть не хочет. Через мост длиннее.

– Посмотрим, как старшаки ныряют, – придумал повод Дюшка. – На той неделе один до воды не долетел, об опору грохнулся и руку сломал, а? Орал как ненормальный.

Мне тоже домой особо не хотелось, не потому что сорняки, а потому что делать нечего. Масло купил, но сразу пошлют за гвоздями.

Вообще-то нас всем классом в июне хотели бросить на лесопосадки, но передумали, решили вместо лесопосадок в июне отправить на картошку в сентябре. Жаль, лесопосадки лучше. Идешь за сеялкой с лопатой, саженцы в борозды закапываешь – и все дела. И работа обычно до обеда – потому что после обеда саженцы заканчиваются и можно домой спокойно отчаливать. Да и обед у леспромхозовцев всегда хороший, привозят из рабочей столовой борщ, котлеты с пюре, пельмени. А на картошке одни макароны с хлебом. И работать с утра до вечера, а то пойдут дожди, а то картошка загниет, а то план не выполнится, агроном бешеный на мотоцикле надзирает, чуть ли не с кнутом по полю бегают, матерится хуже пастуха. Хижина дяди

Тома сплошная. И холодно уже в сентябре. Я бы лучше месяц сосны сажал, чем неделю картошку копал.

– Пойдем на мост, а? – снова предложил Дюшка. – В машины, что ли, поиграем.

В машины интересно вообще-то. Мост делится, одна сторона моя, другая Дюшкина, с чьей стороны машина показывается, тот и выиграл. А кто проиграл, тому фофан. В прошлый раз играли, так с моей стороны военная колонна пошла, я Дюшке двадцать семь безжалостных подряд вколотил, до шишки. С тех пор Дюшка отомстить хочет, он злопамятный.

– На что? – спросил я.

– Как обычно, – Дюшка потрогал лоб. – На шелбаны.

– А лоб не треснет? – усмехнулся я.

– Не треснет, не бойсь.

Дюшка потер лоб. Отправились к мосту. А мне что? Мне в таких играх почему-то везет, а если и проигрываю, то не сильно, не как Дюшка. Он проигрывает почти всегда, что в мост, что в орлянку, но чем больше проигрывает, тем больше ему играть хочется. Вот он все про пятьдесят копеек юбилейные рассказывает, ну, что нашел на прошлой неделе, вроде как удача улыбнулась. Врет. А если и нашел, то давно купил на них лотерейный билет и теперь ждет выиграть холодильник.

Речка у нас под холмом, а сам город на холме, идти можно вдоль дороги, а можно через парк. Пошли через парк. Дюшка всегда через парк ходит, но не природой полюбоваться, а с интересом. В парке на самом верху холма пивбар, под вечер там собирается народ, многие тут же под деревьями и засыпают. Мелочь у них из карманов просеивается, а у Дюшки глаз цепкий. Ну и бутылок на сдачу можно наискать.

В этот раз, правда, никакого прибитка не получилось, бутылки с утра ханыги собрали, мелочи Дюшка не нашел, только лимонадные крышки блестящие. Их Дюшка собрал, он их набирает у себя в будке на стену, чтобы было похоже на подводную лодку.

На мосту никого не было, ни купальщиков, ни рыбаков, эти к вечеру подтянутся. Мы с Дюшкой встали на середине, стали плевать в воду и ждать машин. Удача оказалась на моей стороне, как обычно, со стороны города показался молоковоз. Дюшка скрипнул зубами и подставил лоб. Сразу за молоковозом покатила «Кировец» с прицепом, и Дюшка тут же получил еще один полновесный и посмотрел на меня с ненавистью, хотя сам же предложил играть, я его за уши не тянул. После «Кировца», изрядно пошатавшего деревянный мост, никаких машин долго не казалось, но потом притарахтела зеленая «Колхида» и снова с моей стороны.

– Да что такое-то... – шмыгнул носом Дюшка.

А я приготовился пробить третий фофан. Нарочно долго и угрожающе складывал пальцы в могучую комбинацию, чтобы третий удар оказался сокрушительней предыдущих. И даже вспомнил сказку про попа и Балду и сказал зловеще:

– Как со третьего щелчка выпал мозг у старичка...

И уже приготовился прописать Дюшке по полной...

– Смотри-ка! – Дюшка отпрыгнул от третьего фогана и показал пальцем на противоположный берег.

Я посмотрел, чего уж. Хотя и подумал, что сейчас Дюшка не выдержит и пустится позорно бежать. А пусть, если убежит, собака, я с ним больше ни во что играть не стану.

– А вот и психи, – сказал Дюшка.

«Колхида» проскрипела мимо.

Девчонка и мелкий в куртке не по размеру, которых мы встретили в продуктовом, сидели на бревнах у воды. Видно было – они только что сюда явились, – потому что пацан стягивал с ног сапоги, а девчонка доставала из рюкзака продукты. Минтай в банках и хлеб.

– Вот они где, – ухмыльнулся Дюшка. – Голубчики...

Мы стояли на мосту и смотрели.

Девчонка достала нож.

– Ого, какой режик! – с уважением прошептал Дюшка. – Четкий...

Четкий, точно. О таком я уже давно мечтал. То есть мечтал я о финке с наборной ручкой, но этот нож был всяко лучше любой финки. Я такой и не видел раньше, и не знал толком, как он называется. С черной рукоятью, с небольшой гардой, с пилкой по верху лезвия. Видимо, какой-то охотничий. Или военный. Причем издали видно, что не самодел, а фабричная работа.

– Это нож аквалангиста-диверсанта, – тут же сказал Дюшка. – Помнишь «Спасите «Конкорд»? Я рассказывал его, мы в марте в Москву к тете Гале ездили, с папкой в кино ходили...

«Спасите «Конкорд» Дюшка рассказывал раз пять. Фильм отличный, жаль до нас только года через два дойдет. Да и то весь клееный-переклееный и в подергушках.

– Точно говорю – нож боевого пловца. В «Спасите «Конкорд» как раз такие! Там когда Броуди...

Дюшка замолчал. Потому что девчонка стала открывать консервы. И открывала она их тоже совсем не так. Как нормальный человек открывает ножом консервы? Банку ставит на ровную поверхность, острие на крышку и по тыльнику ножа бьет ладонью. Раз-раз-раз – и готово, при желании и осторожности можно и складенчиком так открыть. А девчонка поступила по-другому. Как-то дико.

Она положила банку на бревно, несильно размахнулась и разрубила ее пополам. Так аккуратно, что половинки не смялись и не разлетелись по сторонам, а остались на бревне, лишь масло из разреза вытекло. Девчонка дождалась, пока масло совсем стечет, взяла половинку банки и протянула пацану. Тот схватил и стал есть. Руками. Выбирал куски минтая и ел. Потом он так же и другую половину слопал.

А девчонка разрубила следующую банку. Сама она достала из рюкзака хлеб и ела его, откусывая по краям кусочки.

Пацан быстренько уплел и вторую банку.

– Отличный режик... – восхищенно прошептал Дюшка. – Таким лом перерубишь...

Из рюкзака показалась и третья банка.

– Как-то неправильно она банки открывает, – сказал Дюшка. – Кто так открывает...

Он замолчал. Девчонка, кажется, поняла, что она что-то делает не так. Третью банку она открыла иначе. Установила ее на ребро. То есть на бок, на ту часть, где этикетка наклеена, короче. После чего резким и точным движением отсекла ножом крышку.

Руками она есть не стала, стала ножом, с лезвием.

– В Эстонии что, все так? – спросил я.

– Не знаю, – пожал плечами Дюшка. – Там все как-то по-своему. Тетка из Таллина прислала посылку, так в ней мармелад в тубиках, как из-под зубной пасты. Клубничный...

Эти тубики нам Дюшка показывал, правда, мармелада в них никакого не осталось, Дюшка все через соломинку выел.

– А может, это эстонский такой способ? – спросил я. – Банки открывать? Рыбацкий?

– Не знаю, говорю же... Там в Эстонии такая глушь, что в некоторых местах на хуторах электричества нет... Может, они с такого хутора? Дикие из леса. У девчонки вон свитер весь дырявый, а братец ее вообще в обдергушке...

– С чего ты решил, что он брат?

– Похожи.

И действительно. Я пригляделся и увидел, что они действительно похожи, Дюшка все-таки приметливый. Все жадины приметливые, вечно глядят, чего замышлить. И камни метко кидает. А стреляет плохо, слишком торопливый, ну и раздерганный само собой.

Пацан тем временем доел рыбу и приступил к хлебу – оторвал от буханки половину и принялся откусывать и жевать.

Дюшка тут же забурчал животом и вздохнул, вечноголодный:

– Говорил, надо тоже купить...

Да, интересно все это. Черный хлеб без соли, без масла, без чая, всухомятку. Совсем туристы. Проголодались, вот и обедаются теперь. На молокозавод бы зашли, там сливки всегда продаются, денег-то полно, купили бы сливок...

Пацан набил за щеки хлеба и теперь медленно и устало жевал, помогая руками, надавливая ими на щеки с двух сторон сразу. Буханку отложил рядом, на бревно.

Девчонка тоже утомилась, и хлеб уже не ела, просто сидела, морщилась от солнца и зевала. Бордовый свитер на ней болтался, явно с чужого плеча, как и куртка на пацане.

Я сам едва не раззевался. От жары, от солнца, от бликов на воде, от ветра, который растерял к полудню свою свежесть и стал походить на прозрачный пар, солнечный удар получить не хватало, и самолет высоко-высоко, он каждый тут полдень.

– Давай под мост залезем, – предложил Дюшка. – Там не так жарко...

– Давай лучше домой, – в ответ предложил я. – Масло надо занести.

– А психи? – с разочарованием поинтересовался Дюшка. – Мы же хотели за психами понаблюдать...

– Я не хотел.

Да и вообще подсматривать за людьми некрасиво. Нет, мы вроде как и не подсматривали, стояли себе на мосту, воздухом дышали, а психи сами в поле зрения попали. Но все равно нехорошо. Мы же не на реку смотрели, а именно на них. Разглядывали, обсуждали. Некрасиво.

– Брось, – Дюшка сощурился. – Что дома делать? А тут психи. Ты когда-нибудь настоящих видел?

– У меня соседи психи, – сказал я. – Они помидоры зелеными едят.

На самом деле едят. Чупровы. Помидоров у них много, пол-огорода, так они никогда не дожидаются, пока те начнут желтеть, прямо так с куста зелеными и едят. Сядут вокруг – и едят, соком обливаются, смотреть противно, а им ничего.

– Это не считается, – возразил Дюшка. – Мало ли кто зеленые помидоры ест?

– Они их без соли едят.

– Ну и что? Вот ко мне братан из Перми приезжал, он вермишель с сахаром ест. И ничего, не псих. А эти-то психи, сразу же видно. Кто же консервы с черным хлебом ест, изжога потом замучает...

Вдруг пацан ойкнул, подпрыгнул и хлопнул себя по шее. Оса, наверное, или слепень. Или шершень – слишком высоко он подпрыгнул, как от шершня, шершень так куснет, что неделю потом шишка. Так вот, парень ойкнул, подпрыгнул и столкнул полбуханки в реку. Течение ее подхватило и стало выносить к середине.

Пацан тут же соскочил с бревна и вступил в реку, прямо в куртке, не раздеваясь.

Соть – речка довольно глубокая, особенно за Липовкой если, да и под железнодорожным мостом сомы водятся, по слухам, чуть ли не в человеческий рост. Но здесь, у деревянного моста, она разливается широко, и глубина получается небольшая. Пацану этого вполне хватило.

Он шагнул, и тут же провалился с головой, всплыл и уцепился за куст, торчащий над берегом. Засмеялся.

А сестра его... Она тоже шагнула в воду, тоже с головой. Но не всплыла. Ухнула, и все, нету, бульк и тот не сильный получился.

– Ничего себе... – прошептал Дюшка. – Утонула...

При мне еще никто не тонул. Хотя в нашем городе то и дело кто-то тонет, но это обычно за дамбой, там глубоко, а мы туда купаться не ходим. А на нашей части реки утонуть трудно, если нарочно не стараться.

А девчонка, кажется, старалась. Как булькнула у берега, так и не всплыла, наверное, на топляк головой наткнулась. Топляков в реке хватает, сплав же, многие о топляк стучаются и ноги ломают.

Надо было спасать эту дурочку, пока не поздно.

Я побежал по мосту к берегу, по пути прикидывая, что делать. Сам плавал я плохо, не тонул, конечно, на воде держался, но до сих пор Соть по глубине не переплывал.

Так вот, бежал по мосту и думал, как ее вытаскивать. Кажется, утопленников надо за волосы доставать, так удобнее. Или по затылку стучать, чтобы не барахтались. А искусственное дыхание прямо на плаву делать, в школе рядом с кабинетом НВП как раз такие плакаты есть, там все объясняется.

Правда, я сильно сомневался, что смогу все эти мероприятия осуществить, но не стоять же истуканом? Человек тонет, надо что-то делать.

Я добежал до конца моста и почти спрыгнул с насыпи, но услышал:

– Стой!

Дюшка махал руками, указывал на реку.

Я посмотрел.

Девчонка всплыла на середине, всплыла и теперь догоняла кусок хлеба. Интересный у нее стиль плавания был, очень быстро и кажется, что руки и ноги не двигаются, только голова над водой.

Понятно, спасать ее не надо, она сама кого хочешь спасет. Я направился обратно к Дюшке.

Пацан продолжал висеть на иве, он никак не мог выбраться на скользкий берег, срывался и снова повисал на кусте, на осиное гнездо издали походил.

Девчонка тем временем догнала хлеб и теперь возвращалась с ним обратно. В этот раз она плыла наискосок против течения, но скорости при этом не потеряла.

– Я же говорил – сумасшедшие! – с восторгом прошептал Дюшка. – Настоящие!

– Ну...

Мне почему-то не хотелось, чтобы девчонка была ненормальной. Пусть немного странной из Эстонии, но не ненормальной. Хотя я с ней и не знаком совсем, мне-то что...

– Почему сумасшедшие? – спросил я.

– Ты бы поплыл за куском хлеба? – спросил Дюшка.

– Я? Нет. Но, может, у них в Эстонии другие обычаи.

– Может. Кто его знает...

– Она может и из Ленинграда быть, – предположил я. – В Ленинграде к хлебу свое отношение.

– Из Ленинграда? – спросил Дюшка с сомнением. – Ну если из Ленинграда... Слушай, они не похожи на ленинградцев, у меня сеструха двоюродная в Ленинграде живет, так она знаешь как одевается?

Девчонка добралась до берега, вылезла, положила хлеб на бревно, а затем сняла с куста своего братца. С обоих стекала вода, но ни пацана, ни девчонку это совсем не смущало, они продолжили обед. Девчонка лишь рукава у красного свитера подтянула, а пацан и куртку снимать не стал.

Хлеб размок, девчонка чуть подумала, потом отжала из буханки воду. Получился мякиш размером с кулак.

– Могу поспорить, сейчас есть будут, – хихикнул Дюшка.

– Да брось, кто будет такое есть?

Но Дюшка оказался прав. Девчонка откусила от мякиша, стала жевать.

– Мне кажется, они шпионы, – сказал Дюшка.

– Ты же говорил – психи, – напомнил я.

– Я передумал.

Глава 2

Спецлилипуты

Дюшка положил на колоду банку с консервами. Частик в томатном соусе, самые дешевые, минтая в масле поспешил купить. Хотя и правильно, минтай и правда дорогой, а частик нет, у меня бабушка частика кошке покупает.

– Проведем следственный эксперимент, – сказал Дюшка.

Дюшка человек противоречивый. Внешность у него гадкая, с этим спорить трудно, чего уж. На обезьянку похож. Не на гориллу, не на шимпанзе и не на макаку, а на такую маленькую наплечную обезьянку, с которой люди в Геленджике фотографируются. Лицо у такой обезьянки сразу и наглое и печальное одновременно, и все время кажется, что, когда ты отвернешься, эта обезьянка тебе на спину обязательно плюнет или финигом гнилым запустит. А с человеком, похожим на обезьянку, как-то вот не хочется особенно дружить, от него всегда ожидаешь.

Зато Дюшка больше всех фильмов смотрел и книжек читал. Потому что у него родня по всему Союзу – и в Москве, и в Прибалтике, и в Армении, и везде-везде. Его родители все время в гости к родственникам ездят и Дюшку с собой таскают. Даже во Владивосток ездили как-то. Вот и представьте – восемь дней в поезде туда, восемь обратно, со скуки взвоешь, делать нечего, только книжки читать и остается. Так Дюшка к чтению поневоле и пристрастился, в поездках этих бесконечных. В библиотеку ходит, «Уральский Следопыт» выписывает, «Технику – молодежи». Мать у него завуч, так что и в школьной библиотеке ему все интересенькое оставляют. И кино – куда он ни приезжает, сразу в кино торопится, нет такого фильма, который бы он не видел, мы как-то поспорили: я, Котов и еще один пацан из Заречья против Дюшки. Проиграли. Мы втроем знали фильмов меньше, чем Дюшка один.

Но он не только видел, но и рассказывать умеет. Так что если ко внешности привыкнуть, то с Дюшкой интересно, можно поговорить, порассуждать. Но по правде один я к его внешности окончательно привык, остальные кое-как. То есть в компании еще куда ни шло, терпят, а чтобы вдвоем... Как-то Котов, который нормальный парень в общем-то, сказал, что у Дюшки всегда такой вид, будто он с утра кошку замучил. Есть такое. Ему бы очки, обычно такие читальщики все водолазы, но у Дюшки зрение отличное.

– Проведем следственный эксперимент, – сказал Дюшка.

– Проведем, – согласился я.

Он расстегнул отцовскую рыбацкую сумку и достал нож. Кинжал у его папаши знатный, с кровотоком, с упорами и наборной оргалитовой рукояткой, такие в «Сельхозтехнике» из «газоновских» клапанов потихоньку делают. Хороший нож, я себе такой хотел бы, но за него меньше десятки не возьмут, а я на мопед коплю.

Дюшка поправил банку на бревне, размахнулся и врубил лезвие в металл. Отцовский нож смял жечь, немного ее порвал. Из банки брызнул томат. Дюшка хмыкнул.

– Надо бить сильнее, – посоветовал я. – У тебя скорость маленькая. Размах шире делай. Как топором.

– Ладно, сейчас еще разок попробую...

Дюшка разместил на колоде вторую банку с частиком. На этот раз он замахнулся, как я и советовал, – пошире и ударил посильнее.

Вторую банку нож тоже смял, но в этот раз даже до томатного соуса не добрался. На лезвии осталась мелкая зазубрина. Дюшка был разочарован, он посмотрел на нож как на предателя.

– Видимо, перекалили немного, – предположил он. – Надо в кузницу отнести, поправить...

Он осмотрел банку и тут же добавил:

– Я же говорил – шпионы.

Шепотом.

Шпионы, конечно, глупость. Шпионить в наших местах смысла нет никакого. Хотя военные объекты имеются. В лесу стоят ракеты и локаторы, но про это все знают, спроси у любого – он тебе дорогу покажет, так что никакой надобности в шпионах нет. Есть, правда, большой локатор, Солёный Бор, но от нашего города далеко. А потом... Девчонке лет явно столько же, сколько и мне. Какой из меня шпион? Как из рельсы дельтаплан. К тому же шпион, которого хоть чуть-чуть заподозрили, как разведчик уже ничего не стоит.

А пацан и того младше. Нет, шпионы вряд ли, скорее из дома удрали. Бегунки.

– Нож – это важная деталь. – Дюшка воткнул кинжал отца в колоду. – Ты сам видел их нож – он банку как масло резал и не морщился. Такой нож даже в охотничьем магазине не купишь, такой подводным пловцам выдают, я же говорил. Чтобы от акул отбиваться и сети рубить, если что.

Я пожал плечами. Нож отличный, чего уж, редкий. Но на доказательство не тянет. А если у них отец как раз такой пловец? А нож им дал на лето. Вполне себе.

– Не веришь. Понимаю...

– Ты сколько раз «Человека-амфибию» смотрел? – спросил я.

– Восемь, но это не важно. Нож – это раз. А еще ведь деньги! Ты сам видел – денег полно, а цену они им ни фиги не знают!

Это да, в деньгах не разбираются.

– И на это у меня есть ответ, – сказал я. – Они сбежали из детского дома.

– А это-то при чем?

– Киселя знаешь?

– Футболист который? Баторский?

– Ага, – кивнул я. – Я же раньше играл, помнишь? Так вот, мы поехали в Кадый с тамошней командой гонять, остановились пообедать по пути. Там такая столовая была старинная, чай в настоящем самоваре, а заварка отдельно в чайнике. Кисель быстрее всех пообедал, собрался чай пить. Ну и растерялся. У них в баторе чай всегда в кастрюле заварен и сразу с сахаром, наливаешь черпаком и пьешь. А чтобы сначала заварку в стакан, потом кипяток, потом сахар, Кисель и не знал про это, он думал, чай всегда сладкий и заваренный. И в деньгах тоже не разбирался – в детдоме их ни у кого нет.

Дюшка почесал голову.

– Это похоже, – согласился он. – Если из детского дома сбежали. Одеты кое-как, консервов никогда не видели, деньги... Откуда у них денег столько? Ограбили кого по пути?

– Ну... Почему ограбили? Ты что, думаешь, в детском доме нищие, что ли?

– Не знаю, в баторе особо богатеньких не замечал.

Дюшка любит поспорить, я говорил.

– Вот смотри, – сказал я. – Родители у них могли погибнуть. На пожаре или в командировке в Анголе где-нибудь. Могли?

– Могли.

– Родители погибли, а дядя родной остался.

Дюшка согласно промолчал.

– А дядька их может в торговом флоте служить?

– Ну да.

– Дядька в торговом флоте, весь год в загранке, капитан дальнего плавания, за детьми присматривать не в состоянии, вот они живут в детдоме. А дядька не жадный, денег на лето племянникам дает без счета. Так что все можно объяснить. Или полярник у них дядька.

– Ну, ты сказки, гляжу, мастер придумывать, – усмехнулся Дюшка. – Полярники, капитаны... Хотя в жизни всякого сколько хочешь бывает. Ладно, полезли, что ли, в будку, я пулек надавил.

– Полезли.

Будку Дюшка оборудовал на дровнике, под самой крышей. Снизу дровник забит поленьями на три зимы, так что забраться в будку можно только по наружной стене. Это несложно: стена дощатая и для вентиляции между досками щели, но взрослые в будку не заглядывают. Так что у Дюшки у единственного из нашей компании есть свое собственное место. У меня нет, я живу в зале между кухней, спальней родителей и комнатой бабушки. Котов живет с дедом, не потому, что у них дом маленький, а потому, что сразу два деда. Даже Похвалин и тот делит комнату с братом.

А у Дюшки будка.

Там, правда, не очень просторно, четверым уже тесновато, и сидеть приходится в ряд, но двоим нормально, можно и ноги вытянуть, к тому же Дюшка затащил сюда по частям старый диван. Раз в месяц его папаня перебирает и начинает прямо дома чинить сети, маме Дюшки это решительно не нравится, и заводится большой скандал. Обычно большой скандал длится не меньше трех дней с перерывами на работу и отдых, Дюшка к скандалам имеет сильное отвращение, поэтому все это время живет в будке и вполне этим доволен, кстати.

Я тоже хотел бы себе такую будку, только у меня нигде – дерева нет подходящего, на чердаке нельзя, в сарае тоже. Разве что на бане, но там тесно, не посидишь. А у Дюшки нормально.

– Ну а если и шпионы? – спросил я. – Что дальше? Что предлагаешь?

Дюшка достал из-под потолка пневматическую винтовку и леденечную банку с пулями.

– Смотри, – Дюшка открыл банку. – Вчера вечером наделал.

Банка была заполнена пулями наполовину.

Отец у Дюшки тиром заведует. Дюшка говорит, что это лучшая специальность и что он тоже собирается в будущем стать тирщиком, работа хорошая, сиди весь день книжки читай. Утром никто не стреляет, зато после трех народ подтягивается, палят и палят. А пулек всегда не хватает, так что Дюшкин папаша придумал такую штуку – сделал пуледавку из стальной пластины. По правилам, стреляные пули надо сдавать по весу, но за этим особо не следят, так что Дюшкин папаша собирает отстрел, плавит на костре, потом давит в своем приспособлении. Пульки как новые, а каждая три копейки стоит, так что вот.

Дюшка тоже пули умеет давить, конечно, отец ему в тире отстрел подбирать не разрешает, поэтому Дюшка из аккумуляторов пульки катает. Винтовка у него старая, списанная, разболтанная и расстрелянная, так что по центру не бьет, надо всегда припуск делать, но я привык.

– Так что ты думаешь со шпионами делать? – спросил я.

– По правилам, надо в Комитет сообщить.

– Куда? – не понял я.

– В КГБ, – уточнил Дюшка. – В Комитет государственной безопасности. Ты что, «Ошибку резидента» не видел?

– Видел... А у нас разве в городе КГБ есть?

Дюшка задумался.

Я взял у него винтовку, нажал на рычажок, сломал, зарядил пульку, выпрямил. Прицелился быстро, выстрелил. В десяти метрах стебель крапивы подсел и завалился набок. Дюшкин дом на самом краю города стоит, дальше картофельники и река, а между картошкой и домом крапива родится, хорошая такая, в мизинец толщиной.

– Тогда участковому, – сказал Дюшка. – Сообщить участковому, пусть меры принимает. Я передал ему винтовку.

– Теперь представь, – сказал я. – Ты приходишь к Кондратьеву и говоришь: «В нашем городе шпионы». Что он тебе ответит?

Дюшка выстрелил и, как всегда, промазал, крапива устояла, а пулька срикошетила и с визгом отошла в кусты.

Я взял винтовку, зарядил.

– Кондратьев человек серьезный, – я прицелился в крапиву. – Шутки шутить не любит. Чуть что – сразу ставит на учет в детскую комнату. Помнишь того дурачка с восьмого завода?

– Какого? Там они все...

– Который с телефоном баловался.

Дурачок с восьмого завода, фамилию я его, конечно, забыл, брал телефонную книгу и звонил по ней людям с рыбными фамилиями: Лещовым, Карповым, Щукиным и другим и интересовался, мечут они икру или уже отметали? Так многие развлекались, но попался он один, потому что меры не знал, дурак есть дурак.

– Так вот, Кондратьев его поймал, посмеялся – и сразу на учет поставил.

Дюшка потер нос.

– А сейчас Кондратьев особенно зол, – сказал я. – Его двух помощников в Москву забрали к Олимпиаде, там милиции не хватает. Так что вся работа на нем одном, мне папка говорил, что он даже домой не ходит, в кабинете ночует. Давай позвони, расскажи ему про шпионов, он тебя живо на учет определит. Для профилактики.

Я прицелился и снова сбил крапиву. У меня по стрельбе грамота, я первое место на «Зарнице» занял, 2-ю школу обстрелял, если бы еще подтягивался побольше, так победил бы.

– Ну, поставит, – Дюшка забрал у меня винтовку. – И что?

– Ты дурачок, вот что. Ты потом куда с таким пятном на работу устроишься?

Дюшка промолчал, поморщился, выстрелил. Мимо. Он хотя и сын тирщика, сам стреляет плохо, один из десяти в лучшем случае, не умеет сосредоточиваться. Любит стрелять, но не умеет, тут надо чувствовать, талант нужен, это тебе не книжки читать и не ножичком размахивать.

– Что же теперь делать? – спросил Дюшка.

А я не промазал. Причем два стебля срезал, как и хотел. По осени пойду в стрелковую секцию запишусь, как раз возьмут. Стрельба помогает мыслям, я это давно заметил.

– А ничего не делать, – сказал я. – Забыть, и все.

– Забыть...

Дюшка выстрелил. Пульку перекосило, Дюшка достал шомпол и стал выбивать ее из ствола. С настойчивостью, сразу было видно, что ничего забывать он не собирается.

– Это неправильно. – Дюшка вытолкнул из дула смятый кусок свинца. – ЦРУ не дремлет, всем известно.

– Какое ЦРУ? – я не утерпел, пнул стену будки. – Они же дети. Пусть и с ножом.

– А если они не дети? – спросил Дюшка загадочно.

– Как это?

– Ну, если они лилипуты?

Тут уж я посмеялся. Лилипуты к нам как-то приезжали со своим цирком, полгорода приходило смотреть, а я в четвертом ряду сидел. Так вот, лилипутов ни с кем не спутаешь, лилипуты – это маленькие люди, а эти не лилипуты, подростки обычные.

– Ты не знаешь, на что способно ЦРУ, – сообщил Дюшка. – Это не дети, а такие специальные лилипуты. Спецлилипуты! Их с детства воспитывали, чтобы к нам забросить...

– Сам себе противоречишь, – перебил я. – Если они такие подготовленные шпионы, то прокола с деньгами не допустили бы. И с хлебом. И с сигаретами. Шпион незаметен должен быть, а они сразу к себе внимание привлекли. А потом – что они тут ищут? Что у нас искать можно?

– У нас атомную электростанцию строить собираются, – ответил Дюшка.
– Так ее пятнадцать лет собираются строить, никак не соберутся. А ракетную часть со спутников уже сто раз сфотографировали. Что искать-то?

– Не знаю! Может, Солёный Бор?

– Солёный Бор? Так он сорок километров от города! Они туда, что, пешком ходят? А потом там охрана наверняка...

То есть не наверняка, а точно охрана.

Дюшка выстрелил и в этот раз попал.

После этого ему сразу расхотелось стрелять, он спрятал винтовку под крышу и сказал:

– Все равно они мне не нравятся. Они... не такие. Совсем не такие.

– Ты же полстраны объехал, – напомнил я. – Везде все не такие.

– Это да, – согласился Дюшка. – Везде разные... но и одинаковые тоже.

– Как это?

– Да так вот. Мы с предками много ездим, я же вижу – везде все одинаковое. Вот у меня будка...

Дюшка постучал по стене.

– А кто-то шалаш строит, а кто-то на чердаке, а во Владивостоке пацаны фанзы копают. А в Москве голубятни или на деревьях лабазы, но каждый хочет свой уголок. Или самострелку всякую мастерят. Воздушки везде... А в Севастополе некоторые подводные ружья делают.

Дюшка мечтательно закрыл глаза. Не знал, что он еще и подводное хочет. Хотя я и сам бы не отказался, в Косой старице полно рыбы, но ее ни удочкой, ни сетью не достанешь. На что Дюшкин отец рыбак, да и тот не суется.

– Я к тому, что ты можешь выпиливать воздушку или подводное ружье, но все равно... – Дюшка замялся, не зная, как объяснить. – Ты будешь такой же, как какой-нибудь пацан во Владивостоке. А эти... Они другие. Я вот чувствую. Шпионы все другие...

– Эй, вы в будке? – послышался голос.

На краю крапивы показался Котов.

Мы не стали отвечать. А ну его. Побежал вчера к Похвалину, собака, мы с этой антенной возились почти неделю, а он к Похвалину. Хотя Котов такой, у него ничего заповедного.

Котов забрался в будку, и сразу стало тесно.

– Как «Всадник без головы»? – поинтересовался я. – Интересный?

– А, – отмахнулся Котов. – Через приставку плохо видно, все дергается... Ничего не разобрал.

– Ничего там не дергается, – с обидой сказал Дюшка. – Это ты так просто говоришь.

– Да нет, дергается. У меня аж голова разболелась.

Котов потрогал голову.

– А вы что, опять стреляли?

Мы не ответили. Сидели молчали.

– Чего делать сегодня будем? – спросил Котов.

Вроде как ничего не случилось. Хитрец Котов.

– Ничего, – ответил Дюшка. – Вот так сидеть и будем до вечера.

– Можно и посидеть, – Котов вытянул ноги. – Сегодня луна хорошая.

– Пластинки будем слушать.

Сказал Дюшка. Он вытащил из-за дивана футляр с проигрывателем, достал пластинки и запустил «Огниво». «Огниво» вот точно дергалось и шипело, глупая идея. Мы послушали минут пять, а потом Котов не выдержал.

– А давайте на подрывное сгоняем? – предложил Котов.

– Чего мы там забыли? – неприятливо спросил Дюшка.

И сделал погромче. Не звук, а шум.

– Вчера один пацан там снаряд нашел, – сообщил шепотом Кот.

Мы с Дюшкой посмеялись. Подрывное поле все вдоль и поперек выхожено, все, что можно найти, давно нашли. И осколки, и порох. Хотя пороха там всегда мало было, во время лесного пожара выгорел.

– А может, сразу атомную бомбу он там нашел? – усмехнулся Дюшка.

– Да нет, снаряд. От гаубицы. То есть не целиком снаряд, а половинка. Передняя часть оторвалась, а задняя, где капсюль, вся целая. И порох весь остался. Почти два килограмма!

Котов достал из кармана спичечный коробок, сдвинул крышку. Внутри лежали короткие желтые трубочки пороха.

Дюшка выключил «Огниво».

– Похвалин у этого пацана литровую банку выменял на батарейки.

Я представил, как Похвалин взрывается вместе со своим домом, это было красиво.

Дюшка выудил из коробка пороховую трубочку, понюхал, поковырял ногтем.

– Настоящий армейский, – заверил Котов. – Пироксилиновый. Смотрите.

Котов вытащил из кармана кусок фольги, обмотал пороховую трубку фольгой в три слоя, скатал между ладонями, придав форму ракеты. С тыльного конца спичкой дырку проковырял. Из коробка сделал стартовую установку, поджег порох. Ракета с визгом взлетела над крапивой, высоко так взлетела, и дым красивый, с завитушками. Понятно, армейский порох, из спичек ракету не сделать, пугач разве что.

– Хороший порох, – согласился Дюшка.

– А то! Этот пацан, что снаряд нашел, говорит, что надо не на самое подрывное ехать, а чуть дальше, за Сендегу. Там никто не ищет, а туда куча снарядов улетела.

Дюшка поглядел на меня.

– Ничего туда не улетело, – сказал я.

– Если пороха много найти, можно и шпалер сделать, – сказал задумчиво Котов.

– Можно без пальцев с вашим шпалером остаться, – заметил я. – И без глаза. Один такой...

– Знаем-знаем, – тут же перебил Котов. – Смирнов пилил патроны, и ему все оторвало. Ты еще про карбидную бомбу расскажи.

Я в стрелковую секцию собираюсь. И в картинговую. И то и другое дело серьезное. Поэтому я против всякой самодеятельности и дурацких развлечений. А про карбидную бомбу весь город знает, мужику, между прочим, руку оторвало, инвалидит сейчас сторожем, а был баянист. Но Дюшка, конечно, против шпалера устоять не мог.

– Смирнов неправильно сделал, – сказал Дюшка. – Взял трубку от кровати и пороха много насыпал – у него не шпалер получился, а фугас.

Дюшке хочется иметь пистолет. Не пневматический, настоящий. Если не пистолет, так хотя бы самострел. Шпалер. Он бы тоже в стрелковую секцию записался, но его не возьмут с такой рассредоточенностью. Его на фехтование и то не взяли, хотя он три раза пробовал, после этого провала он как раз ножиками и стал увлекаться. Отец ему воздушку списанную добыл, но кроме нее, Дюшке ничего стрелкового не видать.

– Этот пацан говорит, что видел там осколки от гранаты, – вспомнил Котов. – От лимонки.

Граната стала последней каплей, Дюшка сказал:

– Давайте и в самом деле завтра на подрывное съездим, а?

Мы согласно промолчали.

Котову, кажется, тоже хотелось гранату.

– Можно и съездить, – сказал он. – Погоду обещали хорошую. Только втроем, Похвалина не берем, он трепло.

Против того, чтобы не брать Похвалина, возражений не нашлось. В конце концов согласился и я, мне порох даром не нужен, граната тем более, но не дома же сидеть? Могут ведь и работать заставить, а в июне работать обидно, в июне хочется надеяться на лучшее.

– Вот и хорошо, – Котов полез из будки. – Завтра в семь заезжайте тогда, буду ждать.

Котов спрыгнул со стены, чуть-чуть скатился в крапиву, ойкнул.

– У моего деда в подвале старинное ружье валяется, – сообщил Дюшка. – Механизм сгнил. А ствол ничего, можно распилить на три части – три шпалера получатся легко.

– А как же сегодняшние шпионы? – спросил я. – Кондратьеву-то побежишь рассказывать?

– Да, шпионы... Слушай, Вадь, у тебя вторых сапог не найдется? А то там у речки змеи могут водиться, не хочется босиком лезть...

Про странную парочку Дюшка позабыл, сосредоточился на завтрашнем походе, вытянул из-под дивана клееные-переклеенные бродни и прикидывал, сгодятся ли они для форсирования Сендеги.

– Так как все-таки шпионы? – повторил я.

– Да шут с ними, – отмахнулся Дюшка. – Туристы они туристы и есть. Мы их больше и не увидим...

Не увидим, уплывут они вниз по реке, вот и все, туристы всегда так делают.

Он ошибался. Да, Дюшка очень сильно ошибался.

Мы тогда вообще все сильно ошибались.

Глава 3

Подрывное поле

Подрывное поле только так называется. Оно давно уже не поле, а лес. Невысокий и не очень ровный сосновый бор. И не подрывное – тридцать лет тут ничего не взрывают, тишина.

А во время войны в нашем городе размещался снарядный завод, на нем моя бабушка работала, да и вообще полгорода, все, кто мог. Сначала снаряды требовались в больших количествах, но в сорок пятом война закончилась, а завод все не останавливали, всё в три смены. Его только в пятидесятом закрыли. Армию тогда перевооружали, а вокруг нашего городка все сплошь в военных складах было. Ну и стали накопленные снаряды потихоньку списывать. Нашли поле подальше, возили снаряды туда и подрывали. Бабушка моя там работала, сначала снаряды делали, потом уничтожали.

На поле это мы частенько ездили, интересно ведь. Металлолом, что лежал поверху, давно собрали, порох пожаром выжгло да солнцем подъело, так что можно рассчитывать только на мелкие осколки. У меня их целая банка, не знаю, зачем насобирал. Гильзы завалышеньких и то не найти, гильзы на милицейском полигоне есть, но там часто овчарок погулять выпускают. На подрывном же поле и грибы не растут. А тут целый снаряд.

Хотя могло быть и так. Сендега течет вокруг Лосинога болота, а там места глухие, топи, гнили, земли мало, только острова посреди трясин. Клюквы там полно и груздей, но туда мало кто суется, потому что опасно. И утонуть легко, и газом болотным надышаться, да и лоси встречаются неприветливые. Если туда снаряды и улетали, то, скорее всего, там до сих пор и лежат. Так что в походе смысл имелся. Мне самому порох даром не нужен, мне глаза и пальцы дороги, но на Лосином болоте я не был. Интересно ведь.

Утром, в шесть часов, в окно постучался Дюшка. Вообще мы на полседьмого уговаривались, но он, как всегда, не удержался и заявился раньше.

К походу Дюшка основательно подготовился: зеленая отцовская штормовка, пилотка, кеды, к раме привязаны скрученные сапоги. На багажнике же велосипеда желтел давно выцветший рюкзак. У Дюшки «Салют», у него грузоподъемность хорошая, и на раму можно вешать, и на багажник, а у меня «Орленок», на нем и багажника-то нет.

И руль дурацкий.

– Ты что, на зимовку собрался? – я кивнул на сапоги и рюкзак.

Дюшка не ответил. Как человек, восемь раз прочитавший «Таинственный остров», он был склонен тщательно готовиться даже к простым путешествиям. Я подозревал, что у него в рюкзаке хранится леденцовая жестяная коробочка с компасом, спичками и таблеткой аспирина.

Я готовиться особо не стал, взял фляжку с водой и в карман карамели насыпал.

– Мазь от комаров возьми, – попросил Дюшка.

Мазь от комаров я ненавижу, она ужасно воняет, и толку от нее немного, но у Дюшки аллергия на комариные укусы, волдырями покрывается и чешется, так что в лес ему без мази никак.

Я сходил к бабушке, взял мазь для Дюшки, а себе «Золотую звезду», она тоже комаров немного отпугивает.

До поля километров десять на запад от кладбища, на велике докрутить можно часа за полтора – дорога там не очень. Если сначала еще как-то опилками отсыпана, то дальше колеи да песок, иногда и не проедешь, вести рядом приходится. Но все равно, приключение вроде.

Заехали к Котову, на Коммунальную. Котов не просыпался долго, а когда высунулся в окно, объявил, что он на подрывное поле не поедет.

– Вчера вечером малину проверять ездили, – объяснил он. – По кустам так набродились...

– Ты что, малиной объелся? – перебил Дюшка.

– Нет, не малиной объелся, малины нет еще, одни завязи. Я мозоли натер.

– Ага, мозоли, понятно, – презрительно протянул Дюшка.

– Да нет, правда.

В подтверждение этого Кот выставил в окно ноги. Мозоли имелись. С такими педали не ворочать, по лесу не скакать.

– Ну, и сиди, – плюнул Дюшка. – Мы и без тебя сгоняем.

– Эй, пацаны, и мне пороха привезите, а? – попросил Котов. – Пару коробков хотя бы... Дюшка, не оборачиваясь, показал ему фигу. Поехали в сторону подрывного.

В «Орленке» в основном недостатки, но есть и один плюс – он легкий, и ездить на нем гораздо проще. Так что я катил, не особо стараясь, медленно, любуясь утром, Дюшке же на его «Салюте» не разогнаться – тяжелый. Зато сидуха мягкая. Дюшка отставал, пыхтел и плевался, километра через три я забрал у Дюшки бродни, привесил их на раму, поближе к рулю. Дюшка приободрился, и до кладбища катили вполне себе весело, иногда, особенно если под горку, Дюшка меня даже обгонял.

С утра кладбище выглядит вовсе не мрачно, а наоборот, нарядно. Нет, старый угол, где кривые, крашенные облезлой серебрянкой деревянные кресты с треугольными крышами, конечно, уныл, а новая часть ничего, разноцветная. Эмалевые красные звезды, пластмассовые цветы везде, венки, дорожки песочные, и вороны не сидят на ветках, все вороны на старом кладбище. Как ведьмы.

– Звездный городок, – не удержался Дюшка.

Мне такое название не нравится, если совсем уж по правде. Не очень оно хорошее, как-то я дома брякнул, так отец потом со мной два дня не разговаривал, это чтобы мне понятно стало. Мне стало.

Но Дюшка любит так болтнуть. И про Чапаева анекдоты рассказывает, хотя вожатая наша в школе по поводу этого отдельное собрание проводила, вместо политинформации. На самом деле Дюшка так, конечно, не думает – у него оба деда на войне погибли, а сам Дюшка соседке старенькой по хозяйству помогает – крышу от листьев чистит, воду таскает, в магазин бегаёт. А она тоже ветеран, «Ил-2», стрелок-радист, в Венгрии подбили ее на штурмовке, самолет упал в озеро, сама жива осталась, но руку левую по локоть оторвало. Так замуж никто и не взял потом, одна всю жизнь прожила. А Дюшка ей помогает, не потому, что тимуровец там или пионер, а так, добровольно, сам по себе.

Но про звездный городок удержаться не может. Он еще и матюгается иногда. Чтобы показать, что он пацан, а не кое-как.

– Знаешь Толстую? – спросил Дюшка. – Которая картошкой на станции торгует?

– Ага.

Толстая у нас в городе известная тетка. По части несознательности. Ходит к поездам торговать картошкой, солеными огурцами и цветами. Огурцы у нее классные, правда, очень вкусные, да и картошка, и жареная и вареная. Поезда дальнего следования останавливаются, пассажиры выходят покурить, пробуют толстовские разносолы – и покупают враз. Толстая себе уже дом двухэтажный с этого построила и «копейку» вишневую в экспортном варианте купила. Про нее и фельетоны в газете писали, и участковый прорабатывает, а ничего сделать не могут – как с Дюшкиным папашей. Потому что Толстая месильщица на хлебозаводе, а на эту работу никто не идет. Зарплата маленькая, а работа, как в шахте, мужики не выдерживают. А Толстая двужильная, у нее руки, как у штангиста, – в ночную смену хлеб замешивает, а потом на станции капустой квашеной торгует и настурциями.

Бутылки еще сдает.

– Толстая все свои грибы вокруг кладбища собирает, – сказал Дюшка.

– Зачем?

– Говорит, что тут они хрустяшенькие. А еще говорит, что ей грибы муж показывает.

Мы катили вокруг кладбища, слева кладбище, справа лес на полторы тысячи километров.

– Он же у нее умер, – напомнил я. – Угорел в позапрошлом году...

– Ага, угорел.

Дюшка обернулся.

– Угорел и тут похоронен. А Толстой грибы показывает. Это как?

– Суеверия какие-то, – сказал я.

– Ага, суеверия, – усмехнулся Дюшка. – Ты «Локиса» видел?

– Нет.

– Ну вот. Там мужик в медведя в конце превращается.

– Как это? – не понял я.

– Вот так. Оборотень. Его крестьяне убивают, и он валяется на снегу, и из пасти у него течет черная кровь. А его друган понимает, что это совсем не медведь...

Тут как назло на старом кладбище крикнула ворона, Дюшка дернулся, руль у него вильнул, переднее колесо наткнулось на камень, и Дюшка завалился. Упал не сильно, но колено ободрать умудрился.

Зашипел.

– При чем здесь медведь? – спросил я. – Ты же про Толстую говорил?

По колену у Дюшки поползла кровь.

– Я это к тому, что она с мертвецами разговаривает, вот к чему.

Я огляделся. Вдоль дороги росли лопушистые подорожники, я выбрал который побольше, сорвал, протер о штаны от пыли.

– Прилепи, – я протянул Дюшке.

– Ты что?! – Дюшка вытаращил глаза.

– Подорожник. Прилепи, он даже лучше пластыря.

– Это кладбищенский подорожник, – прошептал Дюшка. – С кладбища ничего нельзя брать, ни грибов, ни конфет, ни подорожников. А то оно... Притянет.

Снова каркнула ворона, и тут же к ней присоединились остальные, разорались, и мне отчего-то подумалось, что они это в нашу сторону. Быть обкарканными не хотелось, запрыгнули на велики, покатали дальше. Постарались побыстрее. На всякий случай. Понятно, что суеверия, но мне после «Бежина луга» о кладбищах и думать не хотелось. А тут еще Дюшка. Да и Толстую я вспомнил, руки действительно железные, а глаз такой черный, прыгучий.

А то оно притянет... Это уж точно.

Нажали на педали, прибавили скорость и замедлились, только когда погасли за спиной последние красные звезды. По спине до сих пор, как мышинный горох, перекатывались мурашки. Хотелось Дюшку по шее треснуть, сначала заманивает порох искать, потом пугает и сам пугается.

А Кот, кстати, умный, с нами не поехал, мозоли натер, молодец, он всегда в нужный момент умеет мозоли предъявить.

Минут через десять после кладбища выехали к карьере. Тут копали песок для асфальтового завода, набралось воды, получился пруд. Решили немного отдохнуть, помыть ноги, хотя, конечно, зря – едва слезли с великов и скинули кеды, Дюшка опять принялся рассказывать свои истории.

– Тут в лесу церковь есть старая, – он указал за спину. – Там раньше деревня стояла, Бушнево называлась. Она как раз на старом почтовом тракте располагалась, от Чухломы к Кологриву. Там речка есть маленькая, Ёгда называется...

Дюшка сунул ноги в донный песок, стал шевелить пальцами. Я тоже. Песок под водой оказался теплый и приятный, теплой самой воды почему-то.

– В этой самой речке раки водятся особенные, вот такие крупные. – Дюшка показал ладонями. – Папка туда иногда ездит с мужиками. Так вот, в этом Бушневе пятьдесят два человека жили, там у них смолокурка была. А потом они все исчезли. Раз в неделю туда трактор приезжал с цистерной – смолу забирать. Вот трактор приезжает, а людей нет. Никого. Все пропали.

Мы взбаламутили песок, и теперь от нас в стороны расплзлось некрасивое пятно, захватывая постепенно прозрачную воду.

– И куда они делись? – неосторожно спросил я.

– Не знаю, – ответил Дюшка. – Исчезли. Точно вышли все из дому... И все. Ни вещей не взяли, ничего. А в одном доме радио играло...

Вот всегда так. Стоит куда-то отправиться, как найдется такой вот рассказчик. И история про пропавшую деревню, мимо не проехать.

– Милиция искала-искала, но никого не нашла. А потом глядят, а на церкви все купола почернели.

Как-то похолодало. То ли ветерок подул, то ли тучка набежала, но мне надоело вот так в воде сидеть.

– С тех пор в Бушневе никто не живет, – сказал Дюшка. – Дома все сгнили, смолокурка сгорела, только церковь стоит с черными куполами. И там до сих пор вокруг люди пропадают, то грибники, то ягодники.

– Поехали дальше, – я вытянул ноги из воды, стал натягивать кеды. – А то сейчас солнце поднимется, жарко станет, упреем, пока до поля доберемся.

– Я это к чему рассказал, – Дюшка тоже стал натягивать кеды, но делал это он трудно, то ли ноги распухли, то ли кеды были давно малы. – Я к тому, что Бушнево как раз там, за Лосиным болотом.

– И что?

– Да так, просто. Там узкоколейка еще была...

– Узкоколейка так узкоколейка. Поехали лучше.

Дюшка вздохнул. Вот это мне в Дюшке не нравится. Он не такой, как в книгах, которые читает.

Хотя иногда и такой.

Опять каркнула ворона. Рядом, над головами. Точно проследила нас от кладбища.

– Во-во, – указал Дюшка. – Ворона еще. Не люблю ворон. Надо было воздушку взять, шлепнул бы... Просто ненавижу ворон, они меня в детстве перепугали, я потом почти год заикался.

Дюшка наклонился, поднял камень, швырнул в ворону, не попал. Это он нарочно, пожалел. Ворона не улетела, а принялась каркать и каркать, так что пришлось и мне в нее камень кинуть. Я бы попал, но тоже не хотел ворону подшибать, поэтому шуганул камень чуть ниже, чтобы он ветку встряхнул.

Ворона крикнула уже обиженно, сорвалась и полетела по своим делишкам.

– Надо было прибить, – вроде как пожалел Дюшка. – Поехали, что ли.

Поехали.

Дорога взялась в подъем, а в подъем по песку особенно трудно, крутили педали стоя, но все равно было ясно, что пора спешиваться, слишком много сил тратилось на передвижение.

Я шагал молча, а Дюшка ругался на бестолковых послевоенных полковников, придумавших устроить подрывное поле за горой, а я говорил, что, наоборот – так оно и надо было, чтобы случайные осколки в землю втыкались и до города не долетали, все же понятно. Но Дюшка все равно ругался.

А когда добрались до места, где подъем закончился, он и вообще остановился.

– Что-то у меня колесо стало спускать, – сказал Дюшка. – Ниппель сифонит, кажется, резинка в концы растянулась.

Дюшка присел и стал проверять ниппель.

Все у него с ниппелем в порядке, больше чем уверен. Просто Дюшка перестарался со своими фильмами и книгами и сам себя напугал. В лесу и так всегда что-то чувствуешь по-стороннее, а после таких рассказов...

Никакого полснаряда пороха ему уже не нужно, теперь повод ищет, чтобы не ехать.

– Не знаю... – Дюшка с сомнением потыкал пальцем в покрышку. – У меня она клееная четыре раза, сопрела, наверное...

Не хочет дальше ехать, подумал я, придумывает, как лучше назад вернуться. Чтобы не стыдно. Нет уж. Проснулись чуть свет, десять километров по лесу тащились, теперь назад?

– Добрались почти, – сказал я. – Чего поворачивать?

– А если грыжа сядет? Придется пешком шлепать. Домой только под вечер вернемся, а то и затемно...

– Ничего, – успокоил я. – У меня аптечка есть, я ее всегда с собой вожу.

С этим поспорить было сложно, и мы поехали дальше. То есть не поехали, а пошли. Стало легче, когда под горку катились, даже притормаживать пришлось. Дюшка на своем «Салюте» меня, конечно, обогнал.

Километра через два прибыли на место.

Подрывное поле узнать легко, лес тут другой. Вот идут вполне себе обычные сосны по голубоватому мху, а потом раз – и все поменялось. Деревца хоть и высокие, но худые и какие-то временные, что ли. А мох растет клоками, и не синий он совсем, а белый.

И заблудиться тут легко, потому что лес одинаковый, так что я сразу заметил, где солнце – на всякий случай. Мы углубились в подрывное поле, а потом повернули к северу и с километр тащились по лесу. Велосипеды катили рядом с собой. Дюшка вздыхал, озирался, сверялся с компасом и то и дело говорил, что мы, кажется, заблудились, а он вот-вот вывихнет ногу, потому что у него с детства был подвывих. Но довывихнуть ногу ему не удалось, вышли к реке.

Сендега неширокая, но дно торфянистое. И шишек много на дне, сучков разных, поэтому приходится в броднях переходить. Дюшка трусил и искал причины вернуться, мне это надоело, я натянул бродни и перебрался на другой берег. Сапоги снял и перебрал Дюшке. Теперь у него выбора не оставалось – одному возвращаться домой страшно. Дюшка перебрался следом, конечно же, оступися, зачерпнул воды, запричитал.

Никаких снарядных гильз, заполненных порохом, мы не нашли, хотя лес на другом берегу Сендеги рос точно такой же, невысокий и кривой. И мох такой же. Ну разве что кочки чуть повыше и позапинучее. Мы бродили между кочками, высматривая снаряды, только все зря. Не было тут ничего. А если и залетало, то собрали до нас.

Дюшка тоже это понимал и несколько раз вздохнул, что погода портится, хотя она на самом деле ничуть не портилась.

– Портится-портится, – настаивал Дюшка. – Вроде ясно, но тучи собираются в верхних слоях атмосферы. Я прогноз слышал – гроза сегодня вполне возможна.

Но я решил Дюшку проучить. Чтобы больше снарядов искать не хотелось да по лесам шастать.

– Надо получше проверить, – сказал я. – Снаряды могли и дальше улететь, туда, к болоту. Давай сходим.

– Заблудиться можно...

– У тебя же компас, – напомнил я.

– Ладно, сходим. Только к Сендеге надо сначала вернуться.

– Зачем? – не понял я.

– Велики проверить, – продолжал юлить Дюшка. – А то мало ли?

– Так здесь нет никого. А спрятали мы хорошо...

– Все равно надо посмотреть.

– Хватит, а? – я поглядел на Дюшку злобно. – Кто твой «Салют» украдет? У нас в городе таких два всего, даже если украдешь – не покатаешься. Так что пойдем снаряды искать.

Дюшка не стал спорить в этот раз, и мы отправились дальше, в глубь леса. Шагали в направлении болота. Молчали, слушали лес. Лес как лес. Потом Дюшка остановился. А я еще шагал. Наткнулся на него, но мы не упали.

– Что это? – спросил я.

– Не знаю...

Голос у него дрогнул. Было отчего, если честно. У нас под ногами лежала широкая, метра в полтора выжженная полоса.

– Пожар, что ли? – предположил я и сразу понял, что это глупо, никакой пожар не горит так.

Ровно.

Очень ровно, границы этой полосы были аккуратные и точные, словно их прочертили по линейке или, вернее, по трафарету. Рубеж.

За черной границей лес продолжался, и продолжался мох, все, как обычно.

Дюшка потрогал черную полосу носком ботинка.

– Похоже, оно... вымерзло, – сказал Дюшка.

А я не знал, что сказать. Такого я раньше не видел. Года два назад в конце июля случился настоящий заморозок, утром проснулись, а весь огород повял, и морковь, и свекла, и капуста. Морковь и свеклу собрали какую есть, а капусту всю на выкид. Но тут все было по-другому.

Я говорил, что черная полоса была очень ровной, но когда я рассмотрел ее поближе, то обнаружил, что она более чем ровная. По земле рассыпалась брусника, плоские кустики с темно-зелеными листочками. И в некоторых местах граница черноты проходила как раз по листьям, деля их на живую зеленую половину и мертвую черную.

– Не похоже на заморозок, – возразил я. – Слишком четкие границы. Точно ножом срезали.

– Это шаровая молния, – неожиданно уверенно заявил Дюшка. – У шаровых молний как раз такие острые края. В этом году много шаровых молний, в газете об этом писали.

Не знаю. Моя бабушка рассказывала про шаровую молнию. Это было после войны, еще дед с фронта не вернулся. Так вот, бабушка говорит, что она ничего страшнее никогда не видела. Шаровая молния, она тоже была черного цвета, плыла над рекой. И от этого становилось так тихо-тихо, точно мир умирал от ее продвижения. Бабушка затаила дыхание, а ее сестра, тетя Катя, ойкнула. Молния тут же повернула в их сторону.

Она провисела у бабушки перед лицом несколько минут, потом улетела. За эти несколько минут бабушка поседела, не целиком, конечно, а почему-то только за правым ухом, и сердце у нее потом болело часто. Так вот, это я к чему – бабушка рассказывала, что вокруг шаровой молнии была такая тишина, что она свою кровь слышала.

Вот и тут слишком тихо.

А лес за черной границей... Он чем-то отличался. От того, в котором стояли мы. Я не мог понять чем, но лес отличался.

– Пойдем посмотрим, что ли, – предложил я.

– Зачем? – тут же спросил Дюшка. – И так все понятно, шаровая. Чего там смотреть...

Но я не стал слушать, я перешагнул черную полосу.

Дюшка ойкнул.

Ничего не случилось. Мох так же хрустел под ногами, земля та же. Я оглянулся. Дюшка мялся, потом все-таки переступил.

– Похоже на НЛО, – сказал он.

– Какое еще НЛО? – не понял я.

– Неопознанный летающий объект, – пояснил Дюшка.

Я бы посмеялся, честное слово, посмеялся бы, да мне не смешно было.

– Есть одна книжка... – прошептал Дюшка.

Ну вот, началось. То есть продолжилось. «Есть одна книжка». «Один чувак в поезде рассказал». «Одной женщине пришло странное письмо». «Об этом не принято рассказывать». Нет, Дюшку не исправить. Слишком широкий кругозор тоже ни до чего хорошего не доводит.

– Ее сразу запретили, как она вышла...

– А ты как ее тогда прочитал? – перебил я.

– Случайно совершенно, – тут же ответил Дюшка. – Мы в Свердловск в прошлом августе ездили, к маминной однокласснице. Две недели жили, делать нечего было, в кино ходил, заглянул в библиотеку...

Очень много историй Дюшки начинается с того, что он отправился в библиотеку.

Отправился в библиотеку – и его покусала собака.

Отправился в библиотеку, а там Георгий Гречко.

Отправился в библиотеку. И ему выдали там запрещенную книгу.

– Я заглянул в библиотеку, говорю, дайте-ка мне что-нибудь такое. Чтобы летало. Ну, «Лунную радугу» хотя бы, она как раз вышла, мне один филателист из Минска рассказывал, четкая книжка. А тетка говорит, что на «Лунную радугу» на два года вперед запись, иди отсюда, мальчик...

Дюшка ухмыльнулся, так что сразу стало ясно, что мальчик отсюда не ушел. На Дюшку это похоже, Дюшка липа, если ему что-то надо... Уболтает. Особенно библиотекаря, он в эти библиотеки, как в кино, ходит, так что как уговаривать библиотекаря знает. А они его тоже своим чутьем знают – как видят Дюшку, так и думают – вот, Читатель пришел. Хотя и без очков.

– Так вот, – продолжал Дюшка, – я ей и говорю, жаль, что нет «Лунной радуги». Ну, если ее нет, то давайте «Детские годы Багрова-внука». Библиотекаря на меня посмотрела с интересом, а я и спрашиваю – что, Аксакова тоже нет? Жаль... Тогда «Господа Головлевы», мне учительница советовала почитать.

Дюшка рассмеялся. «Господа Головлевы» я пробовал от тоски в осенние каникулы. Дождь три дня подряд, решил помучиться. Четыре страницы осилил, лучше уж в дождь смотреть.

Дюшка рассказывал дальше:

– Библиотекаря как услышала про «Головлевых», так на меня сразу, как на человека, посмотрела. Пошла в хранилище, выносит книжку. На, говорит, посмотри, может, понравится. Я взял, пошел в парк...

Дюшка закрыл глаза.

– Пока не прочитал, со скамейки не слез, – сказал он. – Там вот как раз про это.

– Про что?

– Про вторжение, – спокойно ответил Дюшка.

– Американское, что ли?

– Нет, не американское, конечно. Инопланетное. Вот представь – маленький городок, население двадцать тысяч, железнодорожный вокзал, река, сплавная, все, как обычно. Летняя скучная жизнь, вот как у нас, делать нечего, вторая программа не работает. А потом один пацан замечает странную штуку...

Дюшка оглянулся, и я тоже не удержался и тоже оглянулся. Никого, лес как лес. В лесу вообще часто оглядываться хочется, это мне и бабушка говорит. Вроде как лесовики на тебя смотрят, а ты это как-то чувствуешь.

Осмотрелись мы, постояли минутку и стали дальше потихоньку продвигаться, хотя уже и мне стало ясно, что надо с этими лесными поисками заканчивать.

Не так что-то в этом месте.

– Штуку такую заметил, – повторил Дюшка отчаянным шепотом. – Что люди изменились. Ведут себя странно. Там мужик был – гитарист известный, так он раз – и играть разучился. И другие... Потом выяснилось, что в них пришельцы вселились, чтобы Землю захватить. Но им нужен был радиотелескоп...

– У нас нет радиотелескопа, – остановил я.

– У нас есть Солёный Бор, – возразил Дюшка. – А ты знаешь, что там?

– Нет.

Солёный Бор далеко, километров тридцать или сорок от города в лесу. Дорога туда грунтовая ведет, но не проехать – везде КПП. Наши городские туда и не суются, бесполезно. Говорят, что патрули даже по лесу ходят, смотрят.

– Вот и никто не знает. А может, там как раз радиотелескоп? Или еще что... похуже.

– Что похуже?

– Папка как-то рассказывал, – Дюшка сделал шепот еще глуше, почти неразличимый стал у него шепот. – Они с начальником райпо на рыбалку поехали на Черные озера, за карасями, да заблудились там. Полдня болтались, вышли на дорогу лесную. А по карте никакой дороги и быть не должно. Ладно, потопали по дороге...

Дюшка оглянулся.

Сейчас расскажет ужасное. Я уже привык. Если Дюшка не рассказывает что-то ужасное в конце истории, то и слушать неинтересно.

– Вот они идут по этой дороге, идут, и вдруг папка замечает такую ерунду: дорога вроде песчаная, а следов на ней не остается.

– Как это?

– Не то чтобы совсем не остается, а не держится след. Секунду-другую на песке еще отпечатывается, а потом раз – и нету. И гладко все.

Дюшка развел руками, точно разглаживая невидимую песчаную дорогу.

– Но это еще не все, – продолжал он. – Идут они идут, и вдруг раз – в глазах у папки раздвоилось все, ничего не видит, только слышит – бух, бух, бух вокруг – звуки такие глухие. Папка на землю повалился, за голову держится и лежит, глаза закрыл, по сторонам посмотреть боится. А рядом дядька этот из райпо визжит. И гудит все, точно под землей поезда куда-то едут. Потом стихло.

Дюшка вздохнул.

– Папка сел – глядит – а вокруг птицы валяются дохлые. Это они с таким звуком с неба падали. И дымятся эти птицы все. И у другана его башка тоже дымится. Они всю рыбу бросили, все удочки бросили, все бросили и побежали, побежали.

– А дальше?

– Поблуждали потом день еще почти, да к Абросимову выбрали. Спрашивают у местных – что это было, а те им и отвечают – Солёный Бор. Там много странного творится, так что лучше вам забыть про это и никому не рассказывать.

– И все?

– Начальник райпо пить бросил, – сказал Дюшка. – А через полгода облысел совсем.

– Но твой папка-то не облысел, – напомнил я. – И не бросил.

– У него голова чесаться стала, – сказал Дюшка. – И по ночам чужим голосом разговаривает.

Я хотел сказать, отчего его папка по ночам дурным голосом разговаривает, а с утра в аптеке боярку покупает, но не стал уже. Кому понравится, когда его родителей ругают?

– Я это все к тому, что Солёный Бор это никакой не радиотелескоп, а наоборот. Там, может, космическое оружие испытывают. Или лазеры. Или мазеры. Понятно, что для пришельцев это важный объект – им он угрожает даже на орбите. А их разведчики должны вывести Солёный Бор из строя – чтобы он их корабли не сбил.

И немного помолчав, добавил:

– Любой ценой.

Я не знал, что сказать.

– Вот эти разведчики тут и появились, – Дюшка кивнул в сторону города. – А в лесу за Сендегой зона высадки. Я же говорю, в журнале читал, что так места посадок частенько выглядят – круги на полях, выжжено все. И теперь они к Солёному Бору подбираются помаленьку.

– Погоди, – остановил я. – В твоей книжке ведь все наоборот было. Там пришельцы вселялись исключительно во взрослых.

Дюшка усмехнулся с превосходством.

– Понятно же, что в книге, как на самом деле, не стали бы писать. Ты почитай «Науку и жизнь», там про мозги хорошо объясняют. Что мозг ребенка гораздо лучше поддается воздействию, чем мозг взрослого. Это проще. И удобнее – никто на детей внимания не обратит... А потом...

Он зловеще сощурился.

– Когда часы пробьют полночь...

Дюшка пошевелил пальцами.

– Кстати, а название какое? – перебил я. – Название у этой книжки есть?

Спросил я, потому что начал подозревать – историю эту Дюшка выдумал. Наверное, так часто бывает – те, кто книжек много читает, рано или поздно начинают сами небылицы сочинять. Вот и Дюшка заразился. Небыличником стал.

– Название я не запомнил, – ответил Дюшка. – Забыл...

Ну вот, врет. Дюшка все запоминает, а уж у такой книжки и название и автора он непременно бы помнил. Он помнит все названия, и авторов помнит отлично. Вот я если книжку читаю, я, как автора зовут, не замечаю, а Дюшка нет, он даже всякую ерунду изучает, что на последней странице – где напечатано, какой шрифт.

– То есть не забыл, – поправился Дюшка. – Там его совсем не было.

– Как это?

– Повесть эта печаталась в каком-то сборнике, а страницу с названием и страницу с содержанием, как нарочно, вырвали. Так что так и не узнал. Хотел потом в других библиотеках найти, да не получилось – книжку запретили.

– А почему запретили-то? – не понял я.

– Ясно почему. Там же правда все. То есть настоящий случай описан. Автор эту историю узнал – и книжку написал. Запретили, конечно. Оно и понятно, там полгорода в дурдом после этого угодило. Смотри! Смотри!

Дюшка указывал пальцем.

Да я и сам видел, слепой этого бы не увидел.

– Это эпицентр! – восхищенно произнес Дюшка. – Ну что, будешь теперь спорить?!

Глава 4

Девушка с ножом и братом

– Она хотела купить «Яву»!

Я выглянул из зелени. Дюшка, кто еще. С утра мне вручили топор и отправили вырубать черемуху. Само дерево уже давно спилили, но вокруг пня разросся трехметровый куст, а теперь его поверху жрала тля. Выглядело ужасно, велели мне вырубать.

– Она хотела купить «Яву»!

Дюшка был взволнован. Не то что взволнован, а взорван как-то. Волосы в разные стороны, глаза безумные и красные, точно у костра сидел всю ночь, руки исцарапаны, видимо, хорошенько побродил по терновым кустам.

– Она хотела купить «Яву»! Представляешь?!

Я сразу догадался, кто пытался купить «Яву». Она. Девушка с ножом и с братом.

– Я как увидел, чуть не провалился!

Дюшка принялся рассказывать про это выдающееся событие. У нас сам начальник товарной базы себе «Яву» купить не может, а, уж кажется, человек не бедный, а тут девчонка в драном свитере...

– Я гулял. То есть за хлебом послали, но его не было. Смотрю – опять они. Только теперь куртка на девчонке, а не на пацане. Они что-то ели, но я не увидел издали...

– Ты следил, что ли?

– Я?! – возмутился Дюшка. – Что мне, делать нечего? Нет, я гулял, а они опять попались. Нам по дороге было. А что, мне на другую улицу переходить?

Я пожал плечами.

– Они как-то медленно шагали, – рассказывал Дюшка. – И прямо по центру улицы, хорошо, что машин не попало. Мне или обгонять...

– Или в кусты, – перебил я.

– Там акации много. Но это неважно. Они возле «Хозтоваров» остановились, посоветовались и внутрь заглянули. А мне как раз...

Дюшке как раз давно требовался клин для педали, и он зашел в магазин. Пацан и девчонка купили что-то там для рыбалки, леску и крючки, а потом увидели «Яву». Стояли смотрели, как будто там не «Ява», а космолет продавался. А потом девчонка раз – и на мотоцикл уселась.

– Что? – не поверил я.

– Да! – Дюшка выпучил глаза. – Взяла – и села!

Садиться на «Яву» не позволял себе в нашем городе никто. Из пацанов точно. Хотя многие рассказывали, как они запрыгивали на мотоцикл, а некоторые похвалялись, что им удавалось дернуть заводягу. Конечно же, это было неправдой. В «Хозтоварах» работали такие свирепые продавщицы, что даже подойти к «Яве» слишком близко мало кто осмеливался. Вроде бы один парень из-за линии рискнул, но немедленно получил по шее и был вытолкан на улицу.

А тут... Да еще девчонка...

– Знаешь, что самое странное? – спросил Дюшка.

– Что?

– Продавщицы не орали.

– Как?

– Так. Ты же знаешь, какие они дурновые. А тут...

Дюшка с уважением помотал головой.

– Там продавщица такая, с фиолетовыми волосами, самая злобная которая. Так вот, она подошла к мотику и спросила – просто так сидят или покупать собираются? А эта девчонка в полный серьез брякнула, что покупать. И деньги достала!

Так. Деньги. «Ява» стоит тысячу с лишним. Я таких денег и в глаза не видел, вот, наверное, Кот да, у них «Жигули».

– Я сам все видел, – с гордостью сообщил Дюшка. – Пацан этот снял рюкзак и достал вот такую пачку!

Дюшка показал пальцами, какой толщины.

– Эта продавщица аж позеленела! А пацан деньги ей вручил! И они давай с девчонкой «Яву» выкатывать!

Дюшка рассмеялся так счастливо, словно это он вручал в «Хозтоварах» пачку денег и выкатывал мотоцикл.

– Тут продавщица в себя пришла!

Понятно. Мотоцикл с восемнадцати лет покупать можно, хотя ездить с шестнадцати разрешают.

– Деньги пацану вернула и стала уговаривать девчонку с мотоцикла слезть. Не орала на нее, руками не размахивала, а уговаривала! Девушка, вам лучше слезть, вам ведь нет восемнадцати. Пожалуйста, мы не имеем права продать вам мотоцикл, приходите, пожалуйста, с родителями...

Дюшка хлопнул по коленям.

– Первый раз такое видел, – сказал он. – Первый раз... Я потом все-таки решил клин купить, дайте говорю клин за пятнадцать копеек – так она на меня как заорет!

– А деньги куда? – зачем-то спросил я.

Что-то я не верил. Одно дело – горсть мятых рублевок, другое дело – тысяча.

– Деньги он обратно в рюкзак бросил. Но это еще не все, эта Анна...

– Кто? – перебил я.

– Анна. Девчонка эта.

– Ее Анной зовут?

– Ну да, – кивнул Дюшка. – Я услышал, что пацан ее называл Аней. Анна, значит.

Значит, Анна. У меня есть тетя Аня, в школе работает, хотя это тут совсем ни при чем.

– Так вот, Анна тогда стала злиться... – Дюшка прикрыл глаза, точно вспоминая, как это было. – Она слезла с «Явы» и стала злиться. Она ничего не говорила, но было ясно, что очень сердится. А потом она расстегнула куртку и полезла за пазуху.

– И что?

– У нее там пистолет, – сообщил Дюшка. – Она потеряла контроль и хотела запугать продавщицу пистолетом. А пацан этот у нее на руке повис.

Дюшка схватил меня за руку выше локтя и в глаза мне посмотрел – вот так вроде этот пацан повис.

– С чего ты решил, что пистолет? – спросил я. – А если ей чихнуть захотелось? Если она за носовым платком полезла?

Я продолжал не верить. Уже так, из упрямства скорее. Не мог я поверить, чтобы у девчонки пятнадцатилетней пистолет за пазухой. Нож – это ладно, ножи у многих есть. Двустволка – тоже ладно – у нас по дальним кордонам люди в лес без ружья не выходят, с десяти лет каждый стрелять умеет. Но пистолет...

– Да я видел, – продолжал Дюшка. – У нее под мышкой там явно кобура пристегнута для скрытого ношения.

Свихнулся окончательно, подумал я. Вот что бывает, если телевизор много смотреть. Про резидентов особенно. Нервное расстройство. И от книг похожее приключается, если их читать не отрываясь, одну за одной.

– Тебе, Дюшка, валерьянку надо пить, – посоветовал я. – Она успокаивает. Вот как у моей бабушки начинают по полу мыши красные бегать, так она сразу на валерьянку налегает. Три дня – и никаких мышей.

– Я точно видел...

– Что ты точно видел? – спросил я. – Ты пистолет видел?

– Нет, но она...

– Кобуру видел?

– Нет...

– Вот и хватит. Тебе что-то там примерещилось, а ты быстренько пистолетов нафантазировал. У нее там кошелек был, вот и все. А потом ты же говорил, что это пришельцы.

– Да... – Дюшка принялся растерянно озираться. – Пришельцы...

– Какой тогда пистолет, если пришельцы?

– Обычный, – тут же ответил Дюшка. – Обычный лазерный пистолет. Бластер то есть.

Даже злиться сил никаких. По нашему городку, где фонари зажигают в конце августа, где асфальт на двух улицах всего, где коровы и гуси у заборов пасутся, ходят пришельцы с бластером за пазухой. Несовершеннолетнего вида.

Терпение. Я собираюсь в стрелковую секцию записываться, мне терпение нужно.

– И они тебя не заметили? – поинтересовался я. – Не заметили, что ты за ними следишь? Ты полдня следил за пришельцами, а они тебя не видели?

– Не, – помотал головой Дюшка. – То есть заметили, но внимания не обратили.

– Хорошо, а дальше что?

– Дальше? Дальше интересно...

Мотоцикл Анне не продали, она расстроилась и купила гитару. Самую дорогую выбрала, какой наш завод делает, за двадцать семь рублей. А брат ее маску для подводного плавания купил и на физиономию натянул, как лягушка сделался. А Анна гитару настроила и заиграла печальную музыку.

– Такую хорошую музыку, что продавщицы успокоились и стали слушать. Вот такую примерно...

Дюшка пытался насвистеть, но не получилось. Но по его рассказу музыка, которую сыграла Анна на гитаре, была удивительная.

– Неземная!

И играла Анна удивительно, пальцы так по струнам и бегали. Так вот, продавщицы успокоились и уже не боялись за мотоцикл, просто слушали. Анна поиграла и еще взяла два комплекта струн про запас, а ее братан купил еще пластмассовую губную гармошку, она у всех у нас есть, но играть на ней нельзя, не хватает мощи легких.

Закупились и дальше отправились, а Дюшка опять за ними следить стал. После «Хозтоваров» они в пельменную заглянули и выпили чаю с песочными пирожными, потом опять купили хлеба и консервов, но есть не стали, за город отправились. Дюшка не отстал, шагал от парочки на отдалении, делал вид, что просто так слоняется. Да они не очень-то и сторожились, шли вдоль дороги, ириски грызли, а пацан то и дело дул в губную гармошку, добывая из нее жестяной рев.

За мостом Анна и ее брат повернули и пошлепали вдоль реки вверх по течению. И тут Дюшка проявил находчивость и ум – вместо того чтобы перебираться за мост и тупо брести за Анной по тропке, он остался на берегу правом и продолжил сопровождать своих пришельцев на расстоянии. Река там хоть и широкая, но левый берег чистый, луга да пожни, так что видно хорошо безо всякого бинокля. А правый, наоборот, лесистый, заметить человека на нем сложно.

– Мне тут все понятно стало, – сказал Дюшка. – Что они где-то у воды остановились. Все на берегу останавливаются, у реки удобно. Правда, я думал...

Дюшка думал, что Анна и ее брат недалеко обосновались, в километре-другом от города, но оказалось, что он сильно ошибается. Анна с гитарой и рюкзаком и брат ее в маске и с губной гармошкой все шагали и шагали вдоль реки. Дюшка устал. Тропинки скоро кончились, и ему приходилось пробираться уже через настоящий лес и настоящий кустарник, что было не просто.

И Дюшку покусали слепни.

Он прошел уже никак не меньше пяти километров, он устал и проголодался, а еще предстояло возвращаться обратно, а возвращаться всегда тяжелее. Поразмыслив, Дюшка решил поворачивать.

И увидел Анну.

Поля на другом берегу кончились, теперь там был лес, подступавший к самому берегу, а под берегом пляж. Поперек желтого песка лежало сухое старое дерево. Его смыло где-то выше по течению, принесло сюда и здесь, на прогретом речном отливе, высушило и выбелило до сахарного цвета. В корнях, отвалившись, как в кресле, устроилась Анна с гитарой. Ее брат вытянулся рядом на песке, смотрел в небо сквозь плавательную маску.

Дюшка решил немного понаблюдать. Но немного не получилось, смотрел почти час. А они так и сидели. Анна перебирала струны, а парень валялся в маске, вроде бы спал.

– А потом они дальше пошли, – поморщился Дюшка. – А я дальше не стал смотреть. Мне кажется, они от пляжа недалеко остановились.

– Почему?

– Все туристы располагаются недалеко от пляжа. Но не на самом пляже – чтобы песок не лез. Так что они там рядом.

– Рядом, дальше что? Если «Яву» исключить, что-нибудь подозрительное видел?

– Загорали в одежде, – тут же ответил Дюшка. – И Анна... Анна на гитаре играла. Снова странно.

Кажется, это серьезно, подумал я. Зацепился Дюшка за эту девчонку. Влюбился, что ли?

А вообще Дюшка прав, странное это дело. Пришли в магазин, купили леску, купили поплавки, крючки, а потом раз – и решили купить «Яву». Заодно, чтобы уже два раза не заходить. И деньги на «Яву» есть в рюкзаке.

– И еще кое-что, – Дюшка огляделся. – Я тут посмотрел...

Дюшка достал из кармана карту, развернул.

– Вот смотри, – Дюшка стал показывать. – Вот тут подрывное поле, где мы были, вот где эта точка. А здесь крестиком пляж. Тут всего...

По карте между точкой и крестиком бежала тонкая пунктирная линия.

– Семь километров! – со значением произнес Дюшка.

– О, семь километров! Это да...

– Та черная яма на подрывном поле – это место высадки, – сказал Дюшка.

– Да. Место высадки. Как я раньше не догадался.

– Может, они и не пришельцы, не знаю. Но они тут явно высадились. Ты заметил там срезанные пеньки? Вокруг, по периметру?

– Да-да, пеньки по периметру...

Пеньки на самом деле по периметру ямы были. Сама яма не глубокая, не яма, а впадина, словно с высоты грохнулся огромный такой каменный шар, отскочил, а след остался. И обгорел немного еще. Или вымерз. Не понять.

– Пеньки – это очень важно, – стал рассказывать Дюшка. – Понимаешь, при подпространственном переходе есть некоторый шанс оказаться внутри массы материи, поэтому, прежде чем завершить переброску, надо расчистить точку назначения. Обычно это делают с помощью плазмы, она похожа на шаровую молнию...

Я стал демонстративно не слушать, но Дюшку это не смутило, и он мне еще долго и вкрадчиво рассказывал. Про особенности нуль-транспортировки, искажения пространства, про глубинные сканеры материи, и квантовые эффекты, и какой-то миноносец американский, про который в «Уральском следопыте» писали, – не хотел ведь слушать – про одну старушку из Коткишева, которая пошла по грибы, а вернулась через тридцать лет ни на день не постаревшей, а нейтрино вообще на своем пути ничего не замечает.

– Смотри, рубль олимпийский! Сегодня на сдачу дали, – ткнул меня Дюшка в бок.

Я очнулся от его галактических мечтаний. А Дюшка продемонстрировал рубль, действительно олимпийский.

– Повезло, – сказал я.

– У меня уже почти все есть, – сказал Дюшка. – Собираю потихоньку.

– Зачем?

– Пригодятся. Сейчас на сдачу дают, а потом подорожают.

Дюшка убрал рубль и спросил:

– Что делать-то будем?

– То есть?

– Они не туристы, они здесь уже живут. И ситуация не очень хорошая.

Тут я не спорил, Дюшка прав. Это уже не просто странно, это опасно. Конечно, про пистолет Дюшка завирает, про пришельцев я лучше молчу, но вот «Ява»...

В конце концов, это опасно. Для этих ребят в первую очередь опасно. Ладно, мы знаем, так и продавщицы тоже знают. И вот они наверняка разболтают про «Яву», слух-то пойдет, а у нас на Восьмом заводе две бригады химиков, между прочим. Они вполне могут посчитать эту парочку легкой добычей, прибьют, в старицу бросят, ищи потом.

– Надо все-таки сообщить Кондратьеву, – сказал я.

– Ты же сам говорил, что он нас на учет поставит, – напомнил Дюшка.

– Учет не учет, а положение нехорошее. А если химики их решат ограбить? Сейчас по городу болтовня про мотоцикл пойдет, кто-нибудь да решит их пощупать...

– Точно, – сказал Дюшка. – Это может быть, может. Папка говорил, что Бачурин как раз зоны откинулся... Да я сам его видел, ходит как волк, зыркает по сторонам, весь в наколках...

– Вот я и говорю, надо Кондратьеву рассказать, пока не поздно.

– Как? Вот так просто прийти... Или по телефону? Можно из автомата позвонить, у меня звонилка как раз есть...

– Не знаю, как сообщить.

– Давай так, – начал Дюшка. – Давай мы сообщим Кондратьеву. Но не завтра, а послезавтра.

– Почему послезавтра?

– А завтра мы сами за ними посмотрим.

Дюшка подмигнул.

– Как это? – спросил я.

– Понаблюдаем, – пояснил Дюшка. – Не посмотрим, а понаблюдаем. Пойдем на реку, я возьму бинокль, чего сложного?

– Некрасиво, – возразил я. – Подглядывать.

– Подглядывать – некрасиво. А мы же не подглядывать собираемся, а оберегать их. Защищать.

– Защищать? От химиков, что ли? Или от Бачурина?

Дюшка голову почесал, посмотрел на черемуху, на топор.

– Топор возьму, – сказал он. – И винтовку. Ты же хорошо стреляешь.

– Из воздушки? Воздушка, конечно, Бачурина остановит. А ты его топором запугаешь...

Я сам Бачурина не видел, но про его подвиги в нашем городе все знали. Ограбил винно-водочный, потом «Запорожец» угнал и с моста свалился, восемь лет отсидел. А в первую ходку еще и избил кого-то до полусмерти. Человек, одним словом, выдающийся.

– В ухо ему стрельнешь, – посоветовал Дюшка. – А я крикну, что следующий раз в глаз пуля уйдет. А потом нас много будет, четверо, куча свидетелей, Бачурин не сунется. Да не бойся ты, Вадь, все продумано.

Вот уж не знал, что Дюшка такой авантюрист. Не, явно книжек перечитал. Я представил, как буду простреливать ухо рецидивисту Бачурину...

– Давай лучше все-таки Кондратьеву расскажем. Прямо сейчас.

Я закинул топор в гущу черемухового куста. Лучше участковому не звонить, а домой сходить, он тут за две улицы живет, на Пионерской в зеленом доме.

– погоди, Вадь! – Дюшка схватил меня за руку.

– Что еще?

– погоди! – Дюшка замотал головой. – Да успеем мы Кондратьеву все рассказать...

Я направился в сторону Пионерской.

– Это ведь тайна! – зашептал Дюшка. – Настоящая тайна, ты понимаешь? Ну, вот мы живем и живем, одно лето скучное, другое лето еще скучней, и тут вроде бы тайна. А ты собираешься Кондратьеву все разболтать?

Я спорить с Дюшкой не собирался, я все уже решил.

Вообще-то стоило родителям, наверное, рассказать, прежде чем к участковому идти, но родители разохались и распричитались бы. Мама стала бы по стенам бегать, отец по столу ладонью стучать и шептать, что это все из-за Дюшки, из-за его вредного влияния, он охламон, даром, что мать в школе работает. Начались бы разговоры, разговоры – что не надо водиться с Дюшкой, что это сомнительное знакомство, что ничему хорошему он не научит и так далее...

– Зря я тебе все рассказал, – бормотал Дюшка. – Надо было одному идти. Я думал, что ты нормальный, а ты как все, лишь бы чего не случилось...

Всю дорогу до дома Кондратьева Дюшка уговаривал меня. Опять бубнил про тайну, про то, что такое бывает раз в жизни, про то, что нельзя упускать возможность, вот он читал книжку – там один человек побоялся и упустил возможность, ему надо было встать во весь рост, а он остался сидеть, и с тех пор ничего в его жизни хорошего не случилось, только морось дождевая, да мокрицы по углам, Кондратьев подождет.

– Нельзя так жить, – продолжал Дюшка. – Ты как премудрый пескарь, все в норе сидишь...

Я ему напомнить хотел – про то, как нас на Новый год возле деревяшки пэтэушники остановили, мы с Ванькой Строговым копейки в кулаках зажали и по шее стали зарабатывать, а Дюшка тихом за угол, да и сбежал. Но не стал напоминать.

Дюшка даже попробовал меня постращать немного, сказал, что дружить со мной не станет, если я расскажу все Кондратьеву. Этого я особо не опасался, если я не стану с Дюшкой дружить, то и остальные не станут, так что меня этим не запугать.

Но тот день был Дюшкиным днем. Мы выбрались на улицу Пионерскую к зеленому дому участкового, но оказалось, что самого Кондратьева дома нет. А рассказывать о том, что случилось, его жене, было глупо. Поэтому мы отправились обратно.

На обратном пути Дюшка доказывал, что это неспроста. Вроде как судьба подсказывает нам, шепчет в ухо. Я ответил, что судьбе не доверяю, и вообще это предрассудки, Дюшка напирал, что не предрассудки.

– Об этом же все говорят! Во всех книгах героев ведет судьба! Это легко проверить!

– Как же?

– Давай загадаем – встанем на перекрестке и если первый встречный будет наш знакомый, то мы завтра идем на реку. А если незнакомый, то к Кондратьеву.

– Чушь, – сказал я.

– А чего ты боишься? – спросил Дюшка. – У нас в городе десять тысяч человек живет, шанс, что нам встретится именно знакомый, мал. Ты ничем не рискуешь. Соглашайся, Вадь!

Я согласился.

Мы установились на углу Пионерской и Кировской и стали ждать. Долго не пришлось, сегодня ведь был день Дюшки, через три минуты со стороны школы показался Котов.

– Я же говорил! – торжествуя сказал Дюшка. – Завтра с утра на реку.

Подошел Котов, посмотрел на нас со своим обычным пренебрежением и выплюнул:

– Заплесневело выглядите.

– Пойдем завтра на реку, – предложил Дюшка. – Есть одно важное дело.

Это мне в нем тоже не нравится. То есть больше всего не нравится. Я думаю, что это качество – самая отрицательная его черта. Вот мы с ним говорим о каких-то серьезных вещах, спорим, что-то сделать планируем. И вдруг появляется человек, к делу совсем не относящийся, и Дюшка в три секунды выкладывает ему все планы и приглашает немедленно идти в экспедицию вместе.

Так же случилось и сейчас. Стоило Котову так чуть-чуть презрительно улыбнуться, как Дюшка вывалил ему все. Про брата с сестрой, про «Яву», про шпионский нож и секретную кобуру, про то, что мы собираемся на реку выслеживать врагов, и про то, что нам остро необходим такой человек, как Котов, и его фотоаппарат «Зенит».

Я моргал и делал знаки лицом – что нам не нужен Котов и что без его фотоаппарата мы как-нибудь перетопчемся, но было поздно – Дюшка все быстро и обстоятельно выболтал.

– Не знаю... – поморщился Котов. – История бредовая...

Тут он поглядел на Дюшку.

– Но мне все равно завтра делать нечего, – добавил Котов. – Так что я с вами схожу.

– И фотоаппарат прихвати, – напомнил Дюшка. – Надо их наконец заснять.

Глава 5

Анна

Все люди разные. Не потому, что одни рыжие, а другие длинные, и не потому, что одни тупые, а другие в шахматы играют. Не. Все по-разному с миром стыкуются. Некоторые видят его слишком уж подробно и выпукло, со всеми выступами и ямами, и таким людям с миром тяжело, они каждым своим шагом за него цепляются. И он их тоже жалует и при каждом удобном случае подставляет острое плечо и коварную ногу. Дюшка вот такой, как раз из тех, кто цепляется, запинается, и слишком много об этом размышляет, и все надеется, что мир рано или поздно за все царапины и набитые шишки откроет ему заветную зеленую дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.